ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПИТЕР ДЖЕЙМС

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

В мире продано более **50 миллионов** экземпляров книг Питера Джеймса!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Питер Джеймс

Призраки прошлого

«Азбука-Аттикус»

1990

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс П.

Призраки прошлого / П. Джеймс — «Азбука-Аттикус», 1990 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-16241-9

В надежде на счастливые перемены бездетные супруги решают перебраться из шумного Лондона в уединенную усадьбу на берегу озера. Впечатлительной Чарли, которая посещает сеансы гипноза, кажется, что она уже бывала в этом доме. Может, это было в прошлой жизни? Но покупка дома не приносит счастья. Не успели Чарли и ее муж Том переступить порог, как начинают происходить невероятные, сверхъестественные, зловещие события. Образы, которые видит Чарли во время гипноза, врываются в настоящее. Видения, запахи, ощущения преследуют ее на каждом шагу. Она понимает, что это не игра подсознания, и ее догадку подтверждает таинственная находка в форме сердца, обретенная будто по чьей-то подсказке. В этой идиллической усадьбе словно живет неведомое зло: кто-то ненавидит Чарли и жаждет мщения… Книга также издавалась под названием "Возлюбленная".

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16241-9

© Джеймс П., 1990
© Азбука-Аттикус, 1990

Содержание

1	7
2	9
3	13
4	20
5	22
6	26
7	29
8	31
9	37
10	42
11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Питер Джеймс
Призраки прошлого

Посвящается Тиму и Рене-Жану

– Прошу я, сердце мое, ответь,
Быть может, ты знаешь пристава дочь,
Что в Ислингтоне живет?
– О сэр, давно забрала ее смерть,
Которой никто не ждет.
Старинная баллада

Peter James
SWEET HEART
Copyright © The Peter James Partnership 1990

© Перевод. ООО «Издательство Центрполиграф», 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

Питер Джеймс родился в Великобритании, окончил привилегированную частную школу Чартерхаус, а потом киношколу. Был продюсером ряда фильмов, в том числе «Венецианского купца», роли в котором исполнили гениальный Аль Пачино, Джереми Айронс и Джозеф Файнс, а также сценаристом нашумевшего многосерийного «Ситкома перед сном» («Bedsitcom»), номинированного на премию международного фестиваля телевизионной продукции «Золотая роза» в Лозанне.

Прожив несколько лет в США, Джеймс вернулся в Англию и… взялся за перо. Его авторству принадлежат более двух десятков книг, переведенных более чем на 40 языков; три романа экранизированы. Все эти произведения отличает глубокое знание психологии: автор с дотошностью ученого исследует личности полицейских и преступников. Огромным успехом пользуется серия романов о детективе Рое Грейсе: по всему миру продано свыше 30 миллионов экземпляров книг.

Писатель завоевал международное признание в мире литературы: он является лауреатом многих престижных премий за лучший криминальный триллер, в том числе «Алмазного кинжала» Ассоциации писателей-криминалистов, полученного в 2016 году. Однако детективами интересы Питера Джеймса не ограничиваются – его привлекают медицина и другие науки, включая исследование паранормальных явлений. Джеймс приглашен консультантом в полицию Суссекса как редкий знаток приемов криминалистики.

Писатель живет на два дома: в Ноттинг-Хилле (Лондон) и Суссексе, неподалеку от Брайтона. Он обожает своих домашних питомцев и коллекционирует автомобили.

> Питера Джеймса называют британским Стивеном Кингом, и справедливость данного утверждения как нельзя лучше доказывает эта мистическая, леденящая кровь история, которая происходит в повседневной обстановке.
> ***Booklist***

Книга держит в напряжении от начала до конца.
Джеймс Герберт, автор «Волшебного дома»

Нигде больше не найдешь столь пронзительно точного описания типичного оруэлловского кошмара.
Shivers

Грандиозный талант… Джеймс – один из немногих писателей, чьи книги никогда не разочаровывают.
Starburst

Стремительно раскручивается детективный сюжет… Роман захватывает с первых страниц.
Chicago Tribune

Питер Джеймс по праву занимает литературную нишу между Стивеном Кингом и Майклом Крайтоном.
Mail on Sunday

1

У проржавевших ворот собака остановилась, а потом неожиданно юркнула под них.

– Перегрин! – позвала хозяйка. – Перегрин! Немедленно вернись!

В эти ворота никто никогда не входил, если не считать нескольких коммивояжеров, да и те потом признавались, что, когда они там оказывались, их мороз по коже подирал. Даже Перегрин, очень любопытный и пронырливый пес, который вечно совал свой нос куда не следует, ни разу не забегал туда раньше.

– Ну же, хороший песик! Вернись к мамочке!

Но голос женщины терялся в шуме запруды, что находилась ниже.

– А ну иди сюда! – снова позвала хозяйка. – Перегрин!

Почти всегда она выгуливала собаку по этой дорожке, переходила через железный пешеходный мостик и шла дальше, вон в тот лесок, каждый раз невольно ускоряя шаг около старинной усадьбы. Она старалась даже не глядеть лишний раз на заброшенную мельницу, на сад внизу и на дом, где обитала загадочная старуха-затворница.

Женщина распахнула высокие ворота и всмотрелась в подъездную дорожку. Ее йоркширский терьер как раз взбегал по ступенькам крыльца. Он не остановился на пороге, просунул любопытную мордочку в приоткрытую парадную дверь и исчез.

– Перегрин! – в испуге завопила хозяйка. – Назад! Перегрин! – И бросилась за ним по дорожке.

Рев воды в запруде делал безмолвие дома еще более устрашающим, а гравий, хрустевший под ногами, наводил на мысль, что его насыпали намеренно, чтобы невозможно было приблизиться к особняку бесшумно. Женщина остановилась у ступенек, истекая пóтом: летнее утро выдалось жарким. Отсюда дом, возвышавшийся на насыпи, казался еще больше.

– Перегрин! – Теперь ее голос звучал более спокойно. – Ну где же ты?

Слыша равномерное настойчивое тявканье терьера внутри дома, она ощущала, как чьи-то глаза наблюдают за ней из темного окна – глаза старухи с уродливым обожженным лицом.

Поднявшись по ступенькам, женщина остановилась, чтобы перевести дыхание. Собака продолжала тявкать.

– Перегрин! – продолжала звать хозяйка, всматриваясь через приоткрытые дубовые двери в мрачный коридор.

У порога она заметила молоко, целых пять бутылок, а еще картонную коробку с яйцами. За дверью на полу были разбросаны газеты и письма. Дом казался спокойным. Она нажала на звонок, но ничего не услышала, попыталась еще раз, однако звонок молчал. Тогда женщина постучала медным ободком потускневшего дверного кольца – сначала осторожно, потом сильнее. Глухой стук эхом отозвался внутри, а лай собаки становился все настойчивее.

С усилием она толкнула дверь, пытаясь отворить ее пошире, и вошла в дом. На дубовом полу возвышалась покрытая пылью гора писем и газет.

В небольшой темной прихожей с низким потолком и каменными стенами неприятно пахло. Справа от лестницы, ведущей наверх, находился коридор с дверями по обе стороны. На украшенном витиеватой резьбой столике стоял зловещего вида бюст с крылышками. Из запыленного зеркала на стене на женщину смотрело ее мутное отражение. В конце коридора в темноте залаяла собака.

– Эй! – крикнула незваная гостья, подняв голову. – Есть здесь кто-нибудь?

Оглядевшись в надежде обнаружить проявление хоть какой-нибудь жизни, она увидела множество фотографий в рамке, на которых была запечатлена элегантная дама. Правда, лицо на всех снимках было старательно выжжено, вокруг обугленных дыр виднелись лишь пышные волосы, изящно подвитые по моде сороковых-пятидесятых годов. Стены гостиной были уве-

шаны этими фотографиями, и все – без лиц! Женщина ужаснулась, – похоже, старуха была еще более чокнутой, чем все думали.

Пес скребся у двери в конце коридора.

– Да иди же сюда, черт тебя побери, – тихо позвала она.

Терьер жалобно заскулил. Подойдя к собаке, женщина яростно вцепилась в ошейник и вдруг почувствовала, что на плечо ее упала какая-то тень. Она стремительно обернулась, но это оказалась всего лишь тень от входной двери, колеблемой ветром. Она поморщилась от отвратительного запаха, который чувствовался здесь еще сильнее. Собака снова заскулила и задергалась, словно пытаясь что-то сообщить хозяйке. Женщине хотелось поскорее уйти, выбраться отсюда, но настойчивость Перегрина ее встревожила. Отпустив пса, она постучала в дверь костяшками пальцев. Терьер залился лаем.

Женщина повернула ручку, отворяя дверь, и собака стрелой влетела внутрь. Невероятное зловоние, смесь прокисшего молока, несмытого унитаза и сильно протухшего мяса, ударило в лицо.

– Тьфу ты, гадость какая!

Женщина зажала пальцами нос и вошла внутрь, откуда доносилось жужжание мух, которых здесь была целая туча. А затем она услышала и другой шум – нечто вроде слабого шуршания дорогого шелка. Судя по всему, она оказалась на кухне. Старенький стеллаж для сушки посуды, на столе пепельница, набитая перепачканными губной помадой окурками, а рядом открытая банка тушенки, содержимое которой уже начало плесневеть. Дверца холодильника приоткрыта.

«Вот откуда этот ужасный запах», – подумала женщина с облегчением.

И тут она увидела ноги старухи.

Та лежала ничком на пороге, в дверном проеме, ведущем, надо полагать, в котельную, и сначала хозяйке Перегрина показалось, что старуха дышит. Вроде как у нее слегка шевелились ноги и рот, а также она моргала левым глазом – единственным, который был виден гостье. Шевелились также и руки. А шея так прямо колыхалась, словно пшеничное поле на ветру.

Женщина вгляделась как следует и испуганно отшатнулась. Ужас, накрепко сковавший ее горло, остановил рвотные позывы. Собака, непрерывно лая, стояла перед трупом. А хозяйка ее стремглав выскочила из дома.

Ну и мерзость! Она чувствовала их на собственной плоти, ощущала, как они колышутся, вгрызаясь в плоть, и мысленно смахивала их со своих бедер, со своих запястий – миллионы воображаемых извивающихся личинок, падающих на гравий. Женщина торопилась домой, к телефону, жадно глотая свежий воздух; она неслась во весь опор, потому что ей казалось, будто старуха ковыляет за ней следом, а личинки корчатся, падая из ее уже пустых глазниц, с ее щек и рук, подобно белому дождю… Бедняжке слышался визгливый голос старухи: «Оставь меня в покое! Не мешай им! Дай им поесть! Это всего лишь мое тело, мое отвратительное, покрытое шрамами тело! Моя тюрьма! А они освобождают меня! Ты что же, дура этакая, не видишь, что они освобождают меня?!»

2

В тот день Чарли уронила велосипед, и теперь педаль задевала о кожух цепи с раздражающим «клац-клац-клац», пока она, опустив голову, крутила колеса в насквозь промокшей одежде. Мелкий июньский дождичек оранжевой дымкой повис над улицей, освещенной натриевыми фонарями. Мимо нее струился поток машин; какой-то грузовичок проехал слишком близко, оттолкнув ее брызгами грязи из-под колес, словно невидимой рукой, к самому краю тротуара. Чарли вильнула в сторону.

Сквозь дождь пробились глухие звуки музыки: речное судно, украшенное флажками и освещенное, как рождественская елка, пробороздило чернильные воды Темзы и скрылось из виду.

По боковой дорожке она поднялась на тихую Тонсли-стрит и свернула налево, на улочку с террасами в викторианском стиле. Потом проехала мимо безмолвных припаркованных автомобилей, щеголеватых «БМВ» и парочки «порше». Когда пятнадцать лет назад они с Томом переехали сюда, это был весьма захудалый райончик, населенный в основном пенсионерами. Однако в ту пору они ничего лучше просто не могли себе позволить. Ну а теперь это модный район Лондона, с очищенными пескоструйными аппаратами фасадами домов, изящными парадными дверями и блюдцами спутниковых телеантенн, пришпиленных к крышам наподобие значков какого-нибудь недоступного простым смертным элитного клуба.

Чарли слезла с велосипеда и, увидев чуть подальше припаркованную машину Тома, разволновалась. Она до сих пор спешила к мужу каждый вечер, ждала встречи столь же нетерпеливо, как и двадцать лет назад, когда ей было всего шестнадцать и они только что познакомились… А порой Чарли казалось, что ее чувства за это время стали еще сильнее. В особенности после размолвок, происходивших все чаще и чаще, так что она даже начала опасаться, что однажды, придя домой, обнаружит вместо Тома лишь записку от него.

Из-за дождя темная мостовая казалась глянцевой. Отперев входную дверь, Чарли закатила велосипед внутрь и прислонила его к обшитой дубовыми панелями стене прихожей.

Бен, золотистый ретривер, вышел навстречу хозяйке, держа в зубах голову резиновой куклы, изображавшей Нила Киннока.[1]

– Привет, малыш! – сказала Чарли и, опустившись на колени, потрепала пса. – Рада тебя видеть! Эй, только не надо на меня прыгать! – Она закрыла за собой дверь и громко крикнула мужу: – Я дома! Добрый вечер!

– Добрый! – отозвался Том со второго этажа.

Чарли стряхнула воду с волос, стащила накидку, швырнула ее на перила и мельком взглянула в зеркало:

– Ну и видок у меня!

Ее волосы спутались и торчали во все стороны, да еще вдобавок с правой щеки стекала тушь. С решительным выражением воина из племени апачей Чарли потерла щеки, а потом пальцами расчесала и пригладила волосы.

– Вроде бы стало капельку получше, да? – сказала она собаке.

Струйка дождевой воды сбежала с волос и просочилась под пуловер, пока Чарли поднималась на второй этаж и шла по коридору в каморку Тома. Следом топал Бен. В темной и уютной комнатке, освещенной настольной лампой, муж, склонившись над столом, изучал пачку документов, соединенных хомутиком розовой резинки. Поверх полосатой рубашки на нем был синий пуловер с треугольным вырезом. Возле правой руки стоял бокал джин-тоника. Том поднял голову:

---

[1] *Нил Киннок* – британский политик, ставший персонажем мультипликационного клипа. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Привет.

У Тома был открытый, спокойный характер, он редко выплескивал на других свое мрачное настроение. И все же случалось, он пугал Чарли внезапными вспышками ярости или отчуждением, длившимся иногда целые дни. Вот и сейчас…

– До сих пор работаешь? – спросила она, подходя и целуя мужа в щеку.

– Кто-то ведь должен зарабатывать деньги.

– Ну вот! – возмутилась она. – Ты же сам настоял, чтобы я ушла со службы, а теперь меня этим попрекаешь.

Том снова уткнулся в документы. Она смотрела на него и постепенно успокаивалась.

– Играл сегодня в теннис?

– Нет, у моей клиентки возникли проблемы: ее бывший муж после развода самовольно забрал детей, так что придется решать вопрос через суд. А как прошел день у тебя?

– Нормально. Ходила на сеанс иглоукалывания, помогала Лоре в магазине, а потом смотрели с ней «Ширли Валентайна».

– Мы ведь уже видели этот фильм.

– Лора не видела. Мне никто не звонил?

Он зевнул.

– Нет. Как прошло иглоукалывание?

– Как всегда, приятного мало. – Чарли уселась к Тому на колени и нежно к нему прильнула, обхватив рукой за шею. – Не грусти.

Он положил руку жене на живот:

– Думаешь, иглоукалывание поможет?

Она пожала плечами:

– Врач считает, что есть смысл продолжать лечение.

– Еще бы он так не считал, получая по тридцать фунтов стерлингов за сеанс.

Чарли посмотрела на чистые, тщательно отполированные ногти мужа. Том всегда очень заботился о своей внешности. Даже когда у них совсем не было денег, ему удавалось выглядеть щеголем. Она украдкой бросила взгляд на собственные обкусанные ногти, в очередной раз дав себе слово избавиться от этой дурной привычки. Том вечно ворчал по поводу ее ногтей, особенно если был не в духе.

Том отстранился от нее:

– Господи, да ты вся промокла!

– Синоптики обещали, что день будет солнечным.

– Тебе не следует ездить на велосипеде.

– Да это так, для развлечения. И для фигуры очень полезно.

– Фигура у тебя и без того прекрасная. Вовсе ни к чему колесить по Лондону на велосипеде.

Сердце Чарли тревожно сжалось, когда он рывком открыл ящик стола, вытащил книгу под названием «Бесплодие и его причины» и постучал по обложке:

– Здесь вот говорится, что переизбыток физических упражнений мешает зачатию. Они как бы иссушают все внутри. Я бы вообще исключил подобные нагрузки, если тебе, конечно, интересно мое мнение.

«Пожалуйста, давай не будем сегодня скандалить», – мысленно взмолилась Чарли, вставая. Она прошлась по комнате, рассматривая книжные полки, игрушечную машинку «феррари», которую сама подарила мужу на Рождество, пособие по игре в гольф. Взяв кубик Рубика, слегка крутанула его – пыль так и полетела во все стороны.

– Кстати, ты не обсуждала это с врачом, который делает тебе иглоукалывание?

За окном прошумела машина. Грани кубика поворачивались с мягким хрустом.

– Нет. По-моему, он очень странный. Выдвигает порой какие-то совершенно безумные теории, – сказала Чарли.

– Совсем как ты.

– Когда это я выдвигала безумные теории?

– А как насчет шоковой терапии? Ты еще ходила туда с Лорой. Как эта методика называется? «Второе рождение», что ли?

– А что, очень даже неплохая методика.

– Ага, замечательная. Один сеанс «второго рождения» – и никакого секса на пару месяцев. – Он покачал свой бокал, дребезжа льдом. – Ты разве не в курсе, что, не трахаясь, нельзя ведь сделать ребенка?

Чарли молчала.

– Тебе надо продолжить сеансы ретрогипноза, о котором ты в последнее время постоянно твердишь. Возможно, ты обнаружишь, что в прошлой жизни была монахиней.

– А вот Лора считает…

– Мне неинтересно, что считает Лора. – Он отхлебнул немного джина. – Неужели ты обсуждаешь нашу сексуальную жизнь с подругами?

На одной стороне выстроились три желтых квадратика. Она снова покрутила кубик.

– А ты разве не говоришь об этом с приятелями?

– Да мне и обсуждать-то нечего. У нас с тобой теперь одни научные эксперименты и никакой сексуальной жизни. Вот ответь: когда ты в последний раз *наслаждалась* сексом?

Она поставила кубик обратно на полку, подошла к мужу и снова поцеловала его:

– Ну не будь таким, Том. Я всегда наслаждаюсь и чувствую себя так, как будто, – она прикусила губу, – это в последний раз.

Голос Тома смягчился:

– Дорогая, врачи утверждают, что ты не беременела раньше, поскольку слишком много и напряженно работала. Поэтому ты и уволилась со службы. Но никто не говорил, что тебе надо отказаться от секса. – Он стиснул ее руку и переменил тему: – Слушай, я тут присмотрел один очень симпатичный дом. И сегодня как раз выяснил подробности.

Муж щелчком распахнул папку с пачкой бумаг от агентов по продаже недвижимости. Когда Чарли увидела в середине цветную фотографию, ей почудилось что-то знакомое, но ощущение было мимолетным, как тень, и тут же исчезло. Снимок оказался нечетким, к тому же здание частично скрывали заросли кустарника. Это был большой дом в стиле Тюдоров. Нижняя половина – из красного кирпича, а верхняя оштукатурена. Вдоль стены фасада тянулись небольшие, разделенные вертикальными перегородками окна, а венчала все высокая крутая крыша, нависшая над особняком, словно чересчур большая шляпа. В целом дом выглядел усталым, запущенным и довольно-таки унылым.

Чарли прочитала описание: «ЭЛМВУД-МИЛЛ, ЭЛМВУД, ГРАФСТВО СУССЕКС. Очаровательный дом в очень уединенном месте, с надворными постройками, старинной водяной мельницей XV века и большим кирпичным амбаром. Усадьба нуждается в некоторой модернизации. Площадь – около трех акров».

– Я думаю, что я… что мне… – начала Чарли и замолчала.

– В чем дело? – напрягся Том. – Тебя что-то смущает?

Она покачала головой:

– Нет, ничего. Просто… мне показалось, что я узнала этот дом.

– Он тебе нравится?

– Да, очень симпатичный. – Чарли просмотрела бумаги. – Но здесь ничего не говорится о цене – небось стоит запредельных денег.

– Я уже звонил в агентство. – Том торжествующе улыбался. – Они просят двести пятьдесят тысяч, но сказали, что торг уместен. Постараюсь сбить цену до двухсот двадцати пяти.

– Думаешь, это возможно?

– Конечно, за такую развалюху им никто больше не даст.

– Ну, тогда у нас хватит денег! – радостно завизжала она, и Тома неожиданно тронули радость и энтузиазм жены: в ней словно бы заговорила надежда.

Капелька дождевой воды упала на щеку Тома, но он этого не заметил. Даже промокшая насквозь, Чарли для него пахла замечательно. От нее всегда исходил чудесный аромат, и еще было в ней что-то такое, что сразу привлекло его: обаяние девчонки-сорванца – очаровательная мордашка и бесконечные проказы. Тонкая, но сильная, Чарли выглядела в мини-юбке, да и в джинсах тоже, просто сногсшибательно и всегда казалась Тому необычайно желанной. С момента самой первой встречи между ними сразу возникло взаимное притяжение.

Он прекрасно понимал, что ему следовало быть терпеливым и понимающим, сочувствующим и заботливым мужем, однако негодовал из-за того, что Чарли никак не могла забеременеть, хотя в этом, возможно, был отчасти виноват и сам. В конце концов они решили перебраться в сельскую местность. Уехать из Лондона, подальше от вечного смога и суеты. На природе все должно было измениться к лучшему.

– Я договорился встретиться с агентом завтра. Не стоит затягивать. Кажется, кто-то еще проявляет интерес к этому дому, – сказал Том. – В три часа. Хорошо?

Она кивнула и посмотрела на фотографию. Ощущение узнавания вернулось к ней.

– Ты покормил Бена? – спросила она.

– Угу.

– А Горация?

– Черт, забыл.

– Ты всегда забываешь о Горации.

– Так научи Горация лаять, чтобы он сам напоминал о себе. – Том зевнул и закрыл папку. – Мне надо еще поработать.

– Тебе понравилась пицца?

– Угу. – Он уже углубился в документы.

Чарли спустилась на первый этаж. Бен обогнал ее и бросился к входной двери.

– Извини, малыш, но я не собираюсь выходить на улицу в такой дождь. Я хочу принять горячую ванну. Ты сам можешь сбегать в сад. – Она прошла на кухню и открыла заднюю дверь. – Давай, вперед!

Усевшись на пороге, Бен по-стариковски вздохнул.

– Господи, ну ты и лентяй! – Чарли подошла к кухонному шкафу. – Эй, Гораций, уж ты-то не боишься промокнуть, правда? – Она прижалась лицом к стеклянному шару. Очаровательная золотая рыбка подплыла поближе и, широко разевая рот, уставилась на нее, словно увидела нечто невообразимое. – Как делишки? – Она открыла кормушку. – Полагаю, ты не будешь возражать против переезда в деревню, Гораций? Небось, и тебе чертовски надоел этот шумный Лондон, а?

Она бросила в аквариум щепотку корма, рассеявшегося по воде, как дождевое облачко от ветра. Рыбка неторопливо поднялась на поверхность и сделала первый ленивый глоток.

Элмвуд-Милл. Что-то забрезжило в глубине ее памяти. Словно чье-то забытое имя всплыло оттуда, вертясь на кончике языка и дразня, а потом ускользнуло.

Чарли поднялась в ванную. Когда она, повернув краны, пустила воду, то ее по какой-то непонятной причине вдруг охватил страх.

3

Усадьба находилась у озера, в конце узкой дорожки около мили в длину, спускавшейся по склону. По пути им попалось только три дома, последний – более чем в полумиле от конечной цели путешествия. Сквозь деревья, за обваливающейся кирпичной стеной, верх которой был утыкан битым стеклом, Чарли увидела зелено-белый дом. Солнечные лучи сверкали через перекладины трухлявых деревянных ворот.

Встреча с агентом была назначена на три. А часы в автомобиле показывали без четверти четыре.

– Этот хмырь, должно быть, уже смылся, – сказал Том.

Чарли выпустила Бена наружу. Песик неуклюже побежал, отряхнулся, подпрыгнул и задрал лапу у стены. Ее любимцу было восемь месяцев от роду, совсем еще щенок. Они приобрели его, когда Чарли уволилась с работы.

В машине было шумно от работающего мотора. Чарли потянулась, пытаясь стряхнуть с себя сонливость, и мысленно попеняла Тому за то, что он поднял ее так поздно. Вечно что-нибудь не слава богу. Уже больше года они пытаются найти подходящий дом, но всякий раз им не везет. То комнаты слишком малы, то соседи живут чересчур близко, то вдруг появляются другие покупатели – и цена мигом взлетает. Они столько раз уже начинали все сначала, что научились не питать напрасных иллюзий.

Черные тучи, подобно паровозам, маневрировали по голубому небу. Пышная от долгих проливных дождей листва трепетала на ветру, и волосы женщины тоже развевались под его порывами. Мокрая трава блестела под ослепительным солнцем. В туфельки Чарли просачивалась влага.

Окруженное деревьями, вдаваясь причудливыми изгибами в берега, раскинулось озеро. Прямо перед ними на островке травы, под прибитой гвоздями к дереву поблекшей доской с надписью «Частная собственность. Рыбная ловля запрещена. Только для членов клуба», валялся какой-то одинокий перевернутый вверх дном ялик. Сразу за доской можно было разглядеть металлический пешеходный мостик, перекинутый через запруду, и тропку, ведущую вверх, в рощицу.

Над головой пролетела стайка скворцов. Чарли почувствовала холодное дуновение ветра, скорее мартовского, чем июньского, и крепко обхватила себя руками. Она услышала треск ветвей, карканье вороны, похожее на скрежет пилы, рев воды в запруде. Эти звуки только подчеркивали непривычную после лондонской суматохи тишину. Было странно не слышать шума уличного движения и людских голосов.

Когда Том распахнул калитку, раздался резкий лязг металла, и болт проскреб по гравию подъездной дорожки. Глядя на мужа, Чарли подумала, что они, наверное, смотрятся довольно странно. После заседания суда он не переоделся: щеголял в костюме в тонкую полоску и модном плаще. На самой Чарли были джинсы и мешковатый пуловер, а сверху яркая куртка.

Сердце ее запрыгало, когда она разглядела широкую подъездную дорожку и несколько строений, приютившихся ярдах в ста от них, в ложбине между мшистыми берегами. Вот он, этот дом, совсем не такой, как на фотографии; а вот кирпичный амбар и полуразвалившаяся деревянная водяная мельница.

И никаких признаков жизни внутри, окна дома наглухо зашторены. Вода, падая из запруды в шлюзовой пруд с кирпичными стенками, сначала сердито пенилась вокруг неподвижного колеса, а потом стремительным узким потоком проскальзывала по саду, под украшенным резьбой деревянным мостиком, мимо амбара и еще дальше – на участок для выгула скота.

Чарли разволновалась, хотя дом оказался меньше, чем она представляла, да и состояние его было хуже. Тени собирались на неровной крыше, когда ветер пробегал по деревьям, и казалось, что вытянутое в форме буквы «Г» одноэтажное здание в любой момент может обрушиться на сарай для угля и пустую бочку, стоявшие позади дома, среди буйно разросшейся крапивы. Вдруг Чарли насторожилась.

Ей показалось, будто бы здесь чего-то не хватает.

Она внимательно огляделась, то и дело подмечая новые детали. Вот ванночка для птиц, тачка, курятник… Два дуба, с корнем вырванные ураганом, лежали, прислонившись друг к другу, на передней лужайке, и их ветви переплетались, словно тела погибших в схватке динозавров.

Чарли сообразила, что ложбина была речной долиной, до того как река образовала это небольшое озеро. Если не считать газона, вроде бы недавно подстриженного, все здесь выглядело запушенным. Пара кустов рододендрона, несколько беспорядочно разбросанных клумбочек, на которых цветы явно выросли сами по себе, маленький фруктовый сад…

Но чего-то определенно не хватало.

Ее взор притягивал аккуратный участок травы повыше берега, за амбаром, между идущим от мельницы каналом и рощицей. Подмышки у Чарли вспотели, она почувствовала головокружение и вцепилась в руку Тома.

– Ты в порядке? – спросил он.

Пряди волос щекотали ее щеки. Чирикала птичка.

Плеск волн на озере, вода, падающая с запруды, ветер в кронах деревьев, царящее вокруг безмолвие – все это как будто бы затрагивало какие-то потайные струны ее души и волновало, словно обрывки старой забытой мелодии…

– Чарли? Дорогая? – Том потряс ее за руку. – Эй, тебе плохо?

– А? Что? – Она очнулась и на мгновение почувствовала себя сбитой с толку. – Извини, я просто… – Она улыбнулась. – Все замечательно, этот дом нам подходит.

– Не спеши. Кроме нас, на него есть еще покупатели, да и нам самим, возможно, внутри не понравится.

– Быть такого не может!

Промчавшись по подъездной дорожке, Бен вприпрыжку побежал к заросшему травой берегу.

– Бен! – закричала Чарли. – Нельзя!

– Да пусть побегает, хозяев-то все равно нет.

– Может, позвонить агенту и сказать, что мы уже здесь?

– Давай-ка сначала подойдем поближе и посмотрим.

Кирпичные стенки мельничного пруда, глубокого и холодного, были покрыты липким илом. Грохот воды становился все громче и громче по мере того, как они брели вниз. Чарли ощутила на лице прохладные брызги.

– Этак нам все время будет хотеться пи-пи, – заметил Том.

Под украшенным резьбой мостиком текла чистая вода, и Чарли представила, как в теплые летние вечера они станут ужинать здесь вдвоем, у самого ручья. В хорошую погоду можно будет привезти сюда маму. А если перестроить амбар, то в нем мог бы жить отец Тома. Если, конечно, эти двое перестанут наконец собачиться.

Вблизи дом казался больше. Детали фасада очаровывали: эти слегка скошенные углы в елизаветинском стиле. Правда, штукатурка наверху крошилась, деревянные балки прогнили, а кирпичная кладка на первом этаже лежала неровно. Окна были маленькими и все разной величины.

Хлопнула дверца автомобиля. Бен с лаем примчался обратно. Коренастый, солидного вида незнакомец с голубой папкой под мышкой торопливо прошел в калитку. Он слегка расто-

пыривал при ходьбе руки и ноги, чем смахивал на пингвина. Мужчина приостановился, чтобы потрепать по спине Бена, и был вознагражден за это грязными отпечатками на брюках. И вот уже агент по недвижимости стоит перед Чарли и Томом: пухлый человек с лицом алебастрового цвета, запыхавшийся и энергичный; легкие черные мокасины отполированы до блеска, в нагрудном кармане сверкают авторучки.

– Мистер и миссис Уитни? Ради бога, извините, что заставил вас ждать.

Он слегка отклонился назад, и ветер приподнял пряди волос, прикрывавших его плешивую макушку.

– Мы и сами немного опоздали, – признался Том.

– О да, мудрено отыскать этот дом с первого раза. – На лацкане серого пиджака чопорно посверкивал значок элитного ротари-клуба. – Моя фамилия Бадли, я представитель агентства недвижимости «Джонатан». – Мясистые пальцы резко потянули вниз руку Чарли, словно дергая дверной колокольчик. – Решили переехать из Лондона на природу?

– Да.

– Имейте в виду, подобные раритеты попадают на рынок раз в десять лет.

– Окна выглядят неважно, – заметил Том.

– Это отразилось на цене. Тут ведь мало что делалось в последние годы. – Мистер Бадли покрутил на пальце кольцо с печаткой. – Этот дом был возведен еще в стародавние времена, чуть ли не при Вильгельме Завоевателе. Но, естественно, с тех пор его достраивали и модернизировали.

Чарли внимательно посмотрела на мшистый берег, на ровный участок травы, на лесок, на радостно играющего Бена, а потом перевела взгляд на Тома, пытаясь прочитать мысли мужа, однако лицо того было совершенно бесстрастно.

– А уж ребятишкам тут какое раздолье, – добавил мистер Бадли.

Чарли перехватила взгляд Тома. Тот привязал Бена к скобе для чистки обуви у нижней ступеньки, и они вслед за агентом поднялись по лестнице к дубовой входной двери с потускневшим кольцом в виде львиной головы. Ветер трепал куртку Чарли. Она спросила:

– А как долго дом пустует?

– Всего лишь около девяти месяцев. Мисс Делвин скончалась в конце прошлого лета, – ответил мистер Бадли.

– Здесь? – спросила Чарли. – В этом вот доме?

– О нет, не думаю.

– Мне всегда немного не по себе там, где кто-нибудь умер, – пояснила Чарли.

– Вам, разумеется, известно, кем была Нэнси Делвин? – Мистер Бадли произнес ее имя с благоговейной почтительностью.

Чарли вопросительно взглянула на мужа. Тот пожал плечами:

– Нет.

– Модельером, – произнес мистер Бадли тоном, показывавшим, насколько они его разочаровали. – В сороковых годах она была очень знаменита. – Агент наклонился к ним и понизил голос: – Шила для королевской семьи. – Он дал клиентам время переварить столь значительную информацию, а затем указал на поблескивавшую на солнце медную дверную табличку с гравировкой, потемневшей от забившейся внутрь грязи. – Свидетельство о страховке на случай пожара: оригинальная табличка тысяча семьсот одиннадцатого года! Этот дом – прямо-таки живая история.

Он вставил ключ в замок и повернул его так осторожно, словно открывал раковину с жемчугом. В маленьком холле пахло, как в церкви. Справа и слева они увидели закрытые двери с железными засовами, впереди – какую-то узкую лесенку, а справа от нее – темный коридор. На столе в прихожей, под покрытым паутиной зеркалом, стоял чей-то маленький бюст с крылышками.

Мистер Бадли щелкнул выключателем. Послышался резкий металлический звук, но свет не вспыхнул. Потемневший от сажи абажур был прикреплен к брусьям потолка, таким низким, что Чарли могла бы поменять лампочку, даже не поднимаясь на цыпочки.

– Электричество все время барахлит, – пояснил агент. – Щиток находится в подвале. Мы могли бы начать осмотр как раз оттуда.

Они прошли по коридору; звук шагов Тома, обутого в туфли с металлическими набойками, эхом отдавался от дощатого пола. Обитые дубом стены нуждались в полировке и, казалось, источали недовольство незваными гостями. Десятки крючков и гвоздиков для картин торчали из панельной обшивки. Мистер Бадли остановился у одной из дверей и, заметив выражение лица Чарли, сказал:

– Наследники сняли картины. Там были ценные полотна, их побоялись оставлять в пустом доме. – Затем он открыл дверь, над которой шли толстые трубы, и, включив крошечный фонарик, предупредил: – Осторожно, здесь крутые ступеньки.

Поежившись от сквозняка, Чарли шагнула вниз, в кромешную мглу, следом за мистером Бадли; на них пахнуло углем и сыростью. Агент посветил фонариком на запыленный электрический счетчик, потом на металлический щиток с множеством допотопных керамических пробок. Послышалось потрескивание, вспыхнули искры, и жиденький свет залил помещение.

Громко взвизгнув, Чарли вцепилась в Тома. Группа манекенов, лысых и обнаженных, взирала на них со своих подставок.

– Мисс Делвин часто работала здесь.

– Господи, как же я испугалась!

Чарли опасливо осмотрела подвал: на неровном кирпичном полу стояли ящик из-под вина, инвалидное кресло на колесах и металлический сейф. Отверстие в дальней стене зияло чернотой. Том повернулся к безмолвно глазевшим на них манекенам:

– Здравствуйте, дети, а теперь можете сесть.

Чарли принужденно захихикала.

– Вот сюда, – мистер Бадли показал на щиток, – встроено реле. Но по неизвестной причине цепь оказалась перегруженной.

– Выглядит весьма примитивно, – заметил Том.

– Проводку надо менять.

Площадка первого этажа освещалась двумя лампочками в форме свечек в позолоченном настенном канделябре. В узкой нише стояло кашпо с засохшим растением. Пол был слегка перекошен, как и выходящее в сад окно с ситцевыми занавесками. Вкупе с деревянными балками и низким потолком все это создавало впечатление, что ты находишься в трюме старого корабля.

– А не рухнет? – обеспокоенно спросил Том. – Обследование фундамента не проводили?

– Пока что нет, – ответил мистер Бадли, – но я не вижу в этом нужды. Подобные дома могут слегка накрениться, но они прочные, как скала. Если вдруг начнется ядерная война, то я бы предпочел находиться здесь, а не в каком-нибудь шикарном современном особняке.

Спальня напомнила Чарли загородную гостиницу: деревянные оштукатуренные стены и гигантская дубовая кровать с резьбой, покрытая довольно пыльным стеганым покрывалом цвета пергамента. Еще здесь стояли кленовый гардероб и туалетный столик с серебряной щеткой для волос, гребнем и хрустальными бутылочками; на всех предметах толстым слоем лежала пыль. Сквозь застоявшийся запах ветхой материи пробивался слабый аромат мускусных духов.

– Окна выходят на восток, – объявил мистер Бадли. – По утрам эта комната буквально залита солнцем.

– Здесь много места, – заметила Чарли. – Можно сделать несколько компактных стенных шкафов. И вообще мне тут нравится.

Из окна открывался потрясающий вид на озеро.

– Эту мебель увезут? – спросил Том.

Мистер Бадли кивнул. И добавил:

– Но если вас что-то заинтересует, цену можно обсудить.

Позади них была крошечная дверца, проходя через которую мистеру Бадли даже пришлось пригнуться.

– Примыкающая к спальне ванная – одна из особенностей дома, – пояснил он. – Все сделано с безупречным вкусом, недаром Нэнси Делвин была знаменитым модельером.

В ванной с золочеными кранами преобладал ядовито-розовый цвет, там отвратительно пахло карболкой и плесенью.

– Здесь стенной шкаф, сушилка и уборная. А это самая маленькая из гостевых комнат, из нее может получиться превосходная детская, – продолжал экскурсию шагавший впереди мистер Бадли. – Зато соседнее помещение значительно больше. Это бывшая рабочая комната мисс Делвин. Подумать только, она шила одежду для королевской семьи именно здесь, в этой вот…

Мистер Бадли не договорил и принялся с интересом рассматривать комнату: швейная машинка с ножным приводом, накрытая обрезками материи; портновские мелки и выкройка, придавленная большими ножницами; стол с блокнотом для эскизов и стаканом, полным цветных карандашей. На груди одного из манекенов Чарли прочла выполненную по трафарету надпись: «Стокман 12», другой был частично прикрыт лохмотьями черной тафты. Стены украшали беспорядочно пришпиленные эскизы. Рекламный плакат с изображением уткнувшейся в горжетку красотки в шляпе, белых перчатках и элегантном платье сообщал, что эта дама – «ИЗБРАННИЦА МОДЫ».

В комнате стоял холод, просто ледяной холод. Чарли поплотнее запахнула куртку.

– Здесь можно устроить для тебя отличный кабинет, Том, – сказала она и подошла к окну. Ее взор притягивал аккуратный участок травы на берегу позади амбара. – Скажите, мистер Бадли, а не было ли здесь раньше конюшен?

– Конюшен? – переспросил агент. – Не знаю, ничего про это не слышал. Вы, разумеется, можете их построить. – И он поспешно увел потенциальных покупателей из комнаты.

Кухня была когда-то выдержана в кремово-желтых тонах. Под потолком, неровно окрашенным ядовитого оттенка охрой, висел абажур с налипшими на него дохлыми мухами. Была там и плита. Почерневшая и допотопная, в уродливо отделанной кафелем нише, но все лучше, чем ничего.

– Здесь приятно будет позавтракать, – сказал мистер Бадли.

В кухне имелись также глубокая эмалированная раковина, деревянная сушилка и унылого вида стенные шкафы. Чарли понравилось, что пол там был кирпичный. С потолка на блоке, оборудованном целой системой шнуров, свисала вешалка из перекладинок; на нее было наброшено истертое посудное полотенце. Когда Чарли потянула за шнур, раздался скрип, и вешалка угрожающе закачалась.

– Это позволит вам не вывешивать белье на улице в плохую погоду, – прокомментировал мистер Бадли.

– Было бы здорово оставить что-нибудь из старых вещей, не так ли, Том? В качестве этакой изюминки.

– Можно вообще сохранить весь дом, как он есть, и сэкономить таким образом целое состояние. – Том подмигнул мистеру Бадли и высморкался.

– Да, это возможно, – согласился агент. – Я могу, если хотите, поговорить с наследниками. – С усталым видом он распахнул дверь в столовую. – Владелец мельницы был важной персоной в здешних краях, что отразилось на размерах этой комнаты.

В столовой, оказавшейся более просторной, чем ожидала Чарли, стоял длинный обеденный стол с десятью стульями, впрочем здесь можно было при желании разместить и больше.

Стены с балками сохранили следы штукатурки, как их и предупреждали. У камина была устроена ниша: письменный стол на двух тумбах и кресло. А неплохо было бы пригласить сюда приятелей на обед. Чарли представила гостей за столом, треск дров в камине… Они пересекли прихожую.

– Гостиная, – объявил мистер Бадли. Похоже, энтузиазма у него значительно поубавилось.

Следующая комната, главной достопримечательностью которой являлся камин, когда-то была, видимо, просто замечательной. Светлые шторы, закрывавшие французские окна в дальнем конце помещения, рассеивали солнечный свет, и щедрые теплые отблески маскировали облупленную и поблекшую краску. Здесь стояли персикового цвета диван с подушками в форме ракушек и несколько кресел, выполненных в той же гамме, а также застекленный шкафчик, будто явившийся сюда из каюты какого-нибудь океанского лайнера; дополняла убранство изящная хромированная стойка для журналов.

Оказавшись в гостиной, Чарли испытала странное чувство узнавания. Когда женщина отдернула штору на высоком окне, ей показалось, что когда-то она уже видела эту картину: трава на берегу колеблется под ветром, а на выгуле позади деревянной изгороди пасется гнедая лошадь. Правда, потом ощущение дежавю вроде бы исчезло, но осталась растерянность, повергшая Чарли в задумчивость…

Мистер Бадли бросил напряженный взгляд на часы:

– Я… хм… видите ли, меня дожидаются клиенты в другом поместье. Не сочтете ли вы меня бестактным, если я оставлю вас одних осматривать земельный участок? Или вы хотите снова пройтись по дому?

Том посмотрел на Чарли и повернулся к агенту:

– Так какой же будет окончательная цена? Если не ошибаюсь, вы упоминали, что на этой неделе, возможно, появятся еще какие-то покупатели?

Мистер Бадли быстро оглянулся через плечо, словно опасаясь, что их могут подслушать:

– Между нами говоря, я полагаю, что сумма в двести тридцать тысяч фунтов стерлингов будет разумной ценой.

– Здесь все надо приводить в порядок, – возразил Том.

– О да! Никто и не спорит. – Мистер Бадли поднял руки. – Но когда ремонт закончится, дом будет стоить четыреста или даже пятьсот тысяч как минимум, старинная недвижимость будет только дорожать, можете мне поверить. Да и где вы еще отыщете такой вариант: тихое местечко, да к тому же совсем близко от Лондона? Это же совсем дешево. Будь мы с женой помоложе, сами купили бы этот дом. Да тут и думать нечего, мистер Уитни! Часто ли выпадает шанс приобрести подобную красоту? – Его глаза снова нервно заметались.

– Я позвоню вам завтра, – сказал Том.

– Обдумайте все как следует. Я уверен, что вы из тех людей, которые принимают правильные решения.

Они спустились вслед за агентом по ступенькам, и Чарли прижала к себе Бена, когда мистер Бадли поспешил прочь по подъездной дорожке.

Том выпятил живот и взмахнул рукой.

– Здесь жила сама Нэнси Делвин! – торжественно произнес он, передразнивая мистера Бадли.

– Да что вы говорите? – подыграла ему Чарли. – А кто это такая?

– Неужто вы не знаете?

– Представьте, нет.

Чарли отпустила Бена. Он понесся к ручью. Одна из ворон слетела с дерева и устремилась за ним, словно бы сопровождая гостя.

– Не понимаю, – удивился Том, – как можно торговать одеждой и никогда при этом не слышать имя выдающегося модельера?

– Что-то я сильно сомневаюсь, что эта дама была так уж знаменита. – Она помолчала и добавила: – Не понравился мне этот мистер Бадли: неприятный тип, а уж как соловьем разливался, расписывая достоинства особняка!

– Ну надо же ему сплавить дом.

– Не представляю, кто захочет купить такую развалюшку.

– Да уж. Разве что любители древностей. Мы, например!

– А серьезно, тебе нравится этот дом? – спросила Чарли.

– Я уже успел полюбить его! Это совершенно замечательное место. Я хочу поселиться здесь!

– Я тоже этого хочу. Только вот…

– Только – что?

– Меня смущает, что мы будем тут жить на отшибе… совсем одни…

– Господи, да здесь куда безопаснее, чем в центре Лондона!

– Наверное, я постепенно привыкну, – сказала она.

– В любом случае это хорошее вложение денег. Если Элмвуд-Милл вдруг нам разонравится, то через годик-другой продадим его с выгодой. Но мы наверняка его полюбим. – Том хлопнул в ладоши. – Это как раз то, что нам нужно.

– Да… – неуверенно согласилась Чарли.

Какая-то тень метнулась на землю прямо перед ней. Сперва Чарли подумала, что это спорхнула с дерева ворона, но тут же услышала крик Тома: он прыгнул к жене и резко оттолкнул ее. На земле, рядом с ней, что-то затрещало, словно разламывался упавший стол, и ногу обожгло болью.

Побледнев от страха, Чарли обернулась. Большой кусок черепицы, разлетевшийся вдребезги, словно оконное стекло, лежал на том месте, где она только что стояла. Кровь струилась из раны на ноге, просачиваясь сквозь разорванные джинсы, и стекала к лодыжке. Том вцепился в запястье жены и быстро поволок ее прочь от дома, на середину подъездной дорожки.

– Надеюсь, тебя не очень сильно зацепило? – спросил он, выдергивая из кармана носовой платок и опускаясь на колени.

Чарли взглянула на крышу, на обломки черепицы, и сердце ее бешено заколотилось. Когда Том прижал носовой платок к ране, она поморщилась от боли.

– Тебя ведь могло убить, – ужаснулся он. – Господи, если бы это попало тебе в голову…

Молча кивнув, она снова пристально посмотрела вверх и сказала:

– Это просто ветер.

Еще одна тень зигзагом ринулась к ней, и Чарли резко отшатнулась. Но это оказался всего лишь воробей, спорхнувший с крыши.

4

Чарли открыла дверь кабинки и вынесла оттуда две баночки с теплым содержимым. Том с пылающими щеками смущенно следовал за женой.

Пациенты, сидевшие в низких креслах из искусственной кожи, рассеянно листали журналы и шепотом переговаривались. Семейные парочки, мужья и жены, двадцати-, тридцати- и даже сорокалетние, с нервными, обеспокоенными или удрученными лицами, вцепившиеся в пустые баночки, дожидающиеся своей очереди, и все – полные надежд.

Пройдя по застланному ковром коридору, Чарли постучала в дверь с надписью «Лаборатория».

– Войдите.

Молодая, лет двадцати шести, коротко стриженная блондинка, на бейдже которой значилось «доктор Стентон», что-то записывала в блокнот. Она весьма приветливо взглянула на посетительницу, и Чарли передала ей баночки.

– Ну что ж, выглядит весьма неплохо, – громко объявила врач. – Вы четко следовали инструкции?

Том смущенно кивнул. Он от души ненавидел все эти процедуры, но все-таки заехал сюда сегодня, повинуясь чувству долга, вроде того, что заставляет нас пойти на похороны какого-нибудь дальнего родственника.

Доктор Стентон наклонила одну из баночек.

– Вы направили сюда первую же струю? – спросила она.

– Я боюсь, что часть этого… – Чарли покраснела, – пролилась.

Доктор Стентон, прищурившись, рассматривала серую жидкость внутри баночки:

– Не стоит беспокоиться. Здесь вполне достаточно, чтобы оплодотворить половину Англии. – Она оценивающе посмотрела на Тома. – Разумеется, если не возникнет проблем с качеством спермы. А так весьма неплохо, присаживайтесь.

Они сели. Врач, прихватив баночку, отправилась в соседнее помещение. Зазвонил телефон: издал три последовательные трели и замолчал. Отделанный в серо-красных тонах кабинет был почти полностью пуст, – видимо, это было сделано намеренно. Лишь на стене висел диплом, заключенный в рамку.

– У тебя сегодня сеанс ретрогипноза? – спросил Том.

– Да. – Чарли увидела, как он усмехнулся. – Лора… – начала было она и осеклась.

Том поднял брови:

– Что Лора?

– Она знакома с одной женщиной, у которой тоже были проблемы с зачатием. Та обратилась к ретрогипнотизеру и выяснила, что причина заключалась в том, что в одной из предыдущих жизней ее дети трагически погибли. Вскоре после этого она забеременела.

– Бред какой!

– Попытка не пытка.

Муж достал блокнот и стал изучать записи. Некоторое время они сидели молча.

– А что мы решили насчет дома, Том?

– Я за то, чтобы купить Элмвуд-Милл. А ты?

– Мне он тоже нравится, но его уединенное расположение меня все же беспокоит.

– А я думаю, что это, наоборот, замечательно. Никаких соседей поблизости. Мир и покой! Разве плохо?

Она неуверенно посмотрела на него.

– Слушай, – заявил Том, – такой шанс упускать нельзя. Надо позвонить в агентство и сказать, что мы согласны.

– Хорошо.

Вернулась доктор Стентон и села напротив них.

– Ну, все не так уж и плохо. По сравнению с прошлым разом состав спермы улучшился. Правда, у вас непроходимость одной маточной трубы, миссис Уитни, это не очень-то хорошо, но шанс забеременеть все же есть. Если вы пожелаете снова попробовать ЭКО, мы будем рады вам помочь, хотя очередь у нас большая, ближайшая запись только на ноябрь. Я перешлю результаты анализов вашему врачу, – продолжала она. – Увы, панацеи в данном случае не существует, однако падать духом не стоит. Желаю удачи.

Они спустились на симпатичном лифте с плюшевой обивкой и ковром на полу.

– Ну, что скажешь?

– По крайней мере, тебе лечение пошло на пользу. – Чарли взяла мужа за руку. – У меня отличное настроение. Наконец-то мы нашли подходящий дом. Ты позвонишь агенту?

– Ну а как иначе, – огрызнулся он, выдернул руку и засунул ее в карман куртки. – Я же сказал, что позвоню.

– Если хочешь, я могу и сама с ними связаться.

– Я ведь сказал уже, что все сделаю! – Том сгорбился и прислонился к стене лифта, словно капризный ребенок. – Что-то я начал сомневаться насчет покупки дома.

– Почему? Несколько минут назад ты уверял, что нельзя упускать такой шанс.

– Ко мне каждый день являются люди, которые переехали в другое место, потому что полагали, будто это спасет их брак.

– И как прикажешь тебя понимать?

Он промолчал, и Чарли пожала плечами, жалея, что произнесла вопрос вслух, потому что отлично знала, как это следует понимать.

5

Мотор хрипло взревел, когда машина увеличила скорость. Черный капот холодно сверкал в лунном свете хромированным радиатором. Когда мужчина переключил передачи, дважды прогрохотала выхлопная труба, после чего звук мотора выровнялся. Посверкивали тусклые белые огни приборов, и тоненькая иголочка спидометра резкими толчками металась между цифрами 60 и 75. Волнующий трепет от этой скорости, этой ночи возбуждал. Ее охватило чувство неуязвимости, когда машина пронеслась мимо ряда деревьев, разделяющих поля, и фары высветили застывший мир света и теней.

Это смахивало на фильм, однако происходило в реальности, и она была ее частью. Она чувствовала вибрацию автомобиля, ледяной холод ветра, трепавшего ей волосы, видела стальные точки звезд над головой и ощущала стоявший в воздухе запах мокрой ночной травы.

Она словно боялась, что сейчас раздастся щелчок и ей придется опускать в щелку очередную монетку, чтобы аттракцион вновь заработал. Она жевала резинку, мятный запах которой уже улетучился, но она все жевала… потому что это ведь он угостил ее… потому что девушка в кинофильме, который они только что смотрели, тоже жевала резинку… потому что…

– *Кто с вами в машине?*

Женский голос, говоривший с американским акцентом, возник откуда-то издалека и словно бы из иного времени.

Звук мотора снова изменился, потому что дорога пошла вниз, а затем опять вверх. Мимо проносились деревья, телеграфные столбы, дорожные знаки. Он резко затормозил. Автомобиль завихлял змеей, заскрежетав покрышками, когда они круто свернули влево. Она вцепилась в ручку дверцы, потом машина вновь набрала скорость, и она расслабилась: откинулась назад, утонув в мягком сиденье. Казалось, и ее тело, и автомобиль, и дорога, и ночь слились воедино. Под ложечкой у нее засосало, и она, не сумев сдержать улыбки, в смущении отвернулась, не желая, чтобы он видел это; ей хотелось сохранить свое волнение в тайне. Его рука отпустила руль и стиснула ее бедро. Глубоко внутри себя она почувствовала влагу.

Сегодня ночью. Это случится сегодня ночью.

Его рука поднялась, и послышался скрипучий треск от переключения передачи. Потом рука вернулась обратно, уже более дерзкая, и начала задирать ей юбку, пока она не ощутила на своей обнаженной плоти повыше чулок холодные пальцы.

– Ох, – вздохнула она, прикидываясь ошеломленной, и слегка отодвинулась: не хватало еще, чтобы он счел ее слишком доступной.

Хотя про себя она уже решила, что все произойдет сегодня ночью.

– *Вам известно имя вашего спутника? Вы можете назвать его имя? Вы можете назвать мне свое собственное имя?*

Тормоза взвизгнули на очередном повороте, после чего дорога превратилась в длинную прямую линию, простиравшуюся далеко вперед и блестевшую, словно темная вода канала. Мотор работал на пределе и, казалось, порой издавал громкое протестующее завывание. А он все скользил пальцами по ее бедру, с неохотой отрываясь, когда ему приходилось класть обе руки на руль. Гул мотора стал мягче. Нервный трепет внутри ее усилился, высвобождая животные инстинкты, но она постаралась принять беззаботный вид.

Его рука снова вернулась, и один палец пробирался все дальше и глубже. Она раздвинула ноги и вжалась в кожаное сиденье. Волосы, упав на глаза, ослепили ее, и она, тряхнув головой, откинула их назад.

– *Где вы? Вы знаете, где вы находитесь?*

Палец выскользнул, они снова резко повернули, машину подбросило, и она ткнулась носом в грубую материю его твидовой куртки. Покрышки завизжали, как поросята, а потом

дорога опять пошла по прямой, и ей захотелось, чтобы его рука снова вернулась. Она была пьяна от внезапно возникшего в ней желания. Они змеей просочились в очередной поворот и теперь почти летели. Внезапно лучи фар выхватили сидящего на дороге кролика, и машина с глухим стуком проехала по нему.

– Остановись, пожалуйста, остановись!

– Что случилось?

– Ты сбил кролика.

– Не будь глупой курицей! – закричал он.

– Пожалуйста. Ему, наверное, больно. – Она представила валяющегося на дороге кролика: голова бьется в судорогах, лапы и спина вдавлены в гудрон шоссе, а шерсть в крови. – Ну, пожалуйста, остановись.

Он нажал на тормоз, и ее качнуло вперед так, что руки, ища опоры, уперлись в приборный щиток. Когда они развернулись в обратную сторону, она уставилась на черную дорогу позади, но ничего не смогла разглядеть.

– Да это наверняка был просто камень, – сказал он. – Всего лишь камень. Не наезжали мы ни на какого кролика, тебе показалось.

– Ну и слава богу, – с облегчением ответила она.

Он повернулся к ней и поцеловал, его рука, скользнув по бедру, проникла внутрь, раздвигая ей ноги. Она ощущала запах паленой резины, кожи, слышала гул выхлопной трубы, чувствовала, как твидовая материя его рукава щекочет ей лицо. Их губы сомкнулись, языки жадно переплелись, и резиновый шарик жевательной резинки стал кататься во рту по кругу. Она отклонила голову и пальцами выдернула резинку изо рта. Когда их губы снова слились, она дотянулась правой рукой до окна и пошарила в поисках ручки. А его палец проник еще глубже, и она тихо застонала. Тем временем рука нашла приборную доску, потом ящичек бардачка, под который она прилепила жевательную резинку.

От двигавшегося вверх-вниз пальца по телу прокатывалась волна удовольствия. Ее левая рука, покоившаяся на фланелевой ткани его брюк, проскользнула внутрь и стиснула твердый бугорок. Нащупав металлическую петельку молнии на брюках, она потянула за нее, потом дернула, и молния открылась.

Она услышала мягкий хлопок трусов и сперва почувствовала внутри что-то влажное, а потом ощутила его напрягшуюся плоть, большую, просто огромную, и гораздо более гладкую, чем могла себе представить. Она просунула большой палец через верх трусов, а указательным погладила его член.

Он шумно выдохнул воздух ей в шею и перекатился на нее, одновременно стягивая с нее трусики. Она приподнялась, помогая ему, и услышала, как расстегнулась пряжка ее пояса. Надо снять чулки… Нет, сейчас не до этого.

Его руки скользнули вверх по обнаженной коже, под лифчик, грубовато приласкали грудь, а потом начали с силой проталкивать затвердевший член внутрь ее. Он оказался таким большим, что она даже испугалась, вдруг это разорвет ее пополам, но он входил все глубже и глубже. Ее живот сильно вибрировал.

«Ох. Ох. Ох. – Она тяжело дышала. – Как хорошо. Ну до чего же хорошо».

Она тянула его за плечи, касалась лица, волос, дергала за уши, чувствуя, что он все дальше и дальше проникает внутрь. Внутри ее словно бы работал миллион насосов.

Она закричала. Потом еще раз. Взрыв дикого экстаза огласил ночь. А потом наступила тишина. Она увидела совсем близко смотрящие на нее глаза, улыбающиеся ей губы. Хотя, вообще-то, это были не его губы. Это оказалась какая-то женщина, разглядывавшая ее сверху.

– Чарли? С вами все нормально? – Голос с мягким американским акцентом. – Вы в порядке? Здорово отключились, да?

Чарли ничего не ответила. Все ее тело горело от возбуждения, а пот струйками стекал по волосам.

Обрамленное копной рыжих волос лицо американки, крупное, как и вся она, было покрыто густым слоем косметики, а из ушей свешивались гроздья серебристых шариков величиной с хорошую елочную игрушку. Она ободряюще улыбнулась:

– С кем вы были, Чарли? С кем вы были? *Что вы делали?*

– Я… – Чарли ощутила во рту какой-то мятный привкус. – Я резинку жевала.

Она лежала на кровати. В бумажном абажуре у нее над головой горела красная лампочка. До Чарли доносились слабые звуки какого-то музыкального инструмента, напоминающего цитру. Язык американки, извивавшийся в ее напомаженных губах, напоминал тычинку розы. Флавия. Теперь Чарли вспомнила имя женщины. Флавия Монтессоре. Она внимательно осмотрелась. Гобелены на стенах. Книжные полки. Скульптуры. Довольно большая, богато украшенная комната в восточном стиле.

– Вы занимались любовью и испытали оргазм, да? – спросила Флавия Монтессоре.

Чарли поколебалась, а потом кивнула.

– Просто фантастика! – Лицо американки просияло. – Знаете, это первый подобный случай в моей практике!

Руки Чарли лежали под одеялом, накрывавшим ее. Она чувствовала, что на ней все еще надето нижнее белье.

– Да не смотрите вы на меня так обеспокоенно, – сказала Флавия Монтессоре. – Вы хорошо провели время, только и всего. Путешествие в прошлую жизнь – штука забавная.

– Я… у меня раньше никогда не было эротических снов.

Флавия Монтессоре покачала головой, и ее серьги нестройно зазвенели.

– Это не сон, Чарли, все происходило на самом деле. – У американки были зеленые глаза, обведенные ярко-зелеными тенями, а ногти покрыты зеленым лаком. – Вы отправились в прошлое. Вы побывали там, заново переживая события. Это все происходило на самом деле.

– Это был просто сон.

– Нет, я погрузила вас в глубокий транс, Чарли. Вы не спали. Вы заново переживали моменты прошлой жизни. Расскажите-ка мне, а заодно и сами вспомните. Куда вы попали?

– Я была в какой-то машине.

– Что за машина, какого типа?

– Спортивный автомобиль.

– В какое время? Двадцатые годы?

– Нет, попозже.

– Марку машины можете назвать?

– Так я же все это время находилась внутри ее.

– А где вы были? В какой стране?

– В Англии, – неохотно ответила Чарли. – Где-то в сельской местности.

– Вы можете припомнить свое имя?

– Нет.

– А как звали человека, с которым вы занимались любовью?

– Не знаю.

– Ладно, вы жевали жвачку. Какой аромат у нее был?

– Двойная мята. До сих пор ощущаю ее вкус. Я вытащила резинку изо рта и прилепила ее под дверцу бардачка.

– И сколько же вам было лет?

– Немного. Меньше двадцати.

– Когда-нибудь раньше вас уже подвергали ретрогипнозу?

– Ни разу.

– Ну что же, вы прекрасный объект. Думаю, сумеете многое припомнить, если мы как следует поработаем. Когда зимой я вернусь из Штатов, мне бы хотелось снова с вами встретиться.

– А я считала, что прошлые жизни были сотни лет назад, а уж никак не в этом веке, – заметила Чарли.

На сережках Флавии Монтессоре плясали яркие блестки.

– Здесь нет универсальных правил, Чарли. У одних людей разрывы между жизнями доходят до сотен лет, у других составляют тысячи. Кто-то вновь возвращается на землю всего лишь через несколько лет, а есть и такие, с кем это происходит немедленно. Все зависит от кармы. – И Флавия снова улыбнулась.

Чарли было трудно воспринимать слова американки всерьез, потому что она всегда относилась к идее реинкарнации с большим сомнением, несмотря на энтузиазм Лоры. Эта явно злоупотреблявшая косметикой гипнотизерша напомнила ей предсказательницу судеб, державшую салон на морском курорте. И Чарли не оставляло ощущение, что ее просто-напросто дурачат.

6

– Думаю, вот это подойдет. – Чарли развернула прямоугольный кусок шелковой материи, демонстрируя весь рисунок, а потом обернула его вокруг плеч покупательницы.

Держа ткань за уголки, словно это был грязный мешок, та внимательно разглядывала себя в зеркале. Лицо ее, и без того продолговатое, обрамленное длинными волосами, вытянулось еще больше. Чарли подмигнула Лоре, но та предостерегла подругу хмурым взглядом.

– Это «Корнелия Джеймс»? – Женщина придирчиво оглядела ярлык.

– Разумеется, мадам, – заверила ее Чарли.

– По-моему, цвет очень идет мне, как вы считаете?

– Исключительно. Но без шарфа смотрится гораздо менее выигрышно. – Чарли жестом фокусника сняла шарфик. – Видите? Так это самое обычное дневное платье. – Она снова обернула шею женщины шарфом, прилаживая его поэффектнее. – А с ним получается очень изысканный наряд. В самый раз для коктейльной вечеринки или для похода в театр. А в жару вам будет в нем прохладно.

– Вы считаете, что голубой в самом деле мой цвет?

Чарли сделала вокруг покупательницы ритуальный круг, словно индеец вокруг тотемного шеста.

– Он определенно вам идет. Вашему мужу очень понравится.

– Моему приятелю, – уточнила женщина.

– Ему тоже.

Расплатившись платиновой карточкой такого же цвета, как и ее волосы, покупательница, держа в одной руке пакет с логотипом Лориного магазинчика, а в другой сумочку из натуральной крокодиловой кожи, выпорхнула на Уолтон-стрит, где моросил мелкий дождь. Лора закрыла за ней дверь и по привычке отбросила с лица воображаемые волосы: все еще не привыкла к новой прическе. Она была по-своему привлекательна: стройная, с мальчишескими чертами лица; и теперь коротко остриженные каштановые волосы еще более усиливали это сходство, дополняя образ очаровательного сорванца. За ее спиной раскачивался на сквозняке стеллаж с куртками. Выставленные в магазине летние модели выглядели яркими, но не внушали энтузиазма на фоне неутихающего июньского дождя.

Чарли прочитала имя на чеке, которым женщина с ними расплатилась.

– Фу-ты ну-ты, леди Антония Хьюэр-Уолш, ни больше ни меньше, – прокомментировала она. – Ну и овца.

– Она выгодная клиентка, – бесстрастно возразила Лора.

Чарли заметила, что в последнее время ее подруга совсем утратила чувство юмора. Обычно Лора не слишком церемонилась с покупателями, которые ей не нравились, обращалась с ними куда более грубо, чем Чарли, что было вполне объяснимо: ведь Лоре приходилось выносить их шесть дней в неделю, тогда как Чарли просто нравилось помогать подруге в магазинчике, это было для нее развлечением, чем-то вроде хобби.

На улице громко прогудела какая-то машина. Некто под красным зонтиком заглянул внутрь магазинчика через окно и поспешил дальше. Из радиоприемника лился страстный голос Эллы Фицджеральд – по мнению Чарли, совершенно не гармонирующий с сегодняшним днем, тусклым и серым.

– То, что ты испытала на сеансе ретрогипноза, не было сном, – вдруг произнесла Лора. – Никоим образом. Ты определенно побывала в прошлой жизни.

– Все было чертовски волнующе, вот что я тебе скажу. Хотя, по-моему, это все-таки больше смахивает на эротический сон. – Чарли открыла учетную книгу продаж и одним дви-

жением пролистнула ее на несколько страниц назад. – Э, да в последние две недели дела у тебя идут весьма неплохо. Похоже, ты снова на плаву.

– Флавия Монтессоре – знаменитость, и, по слухам, она возвращала в прошлое Нэнси Рейган. Вообще она принадлежит к числу ведущих гипнотизеров мира и считается выдающимся специалистом.

– А как, интересно, можно отличить прошлую жизнь от сна?

Уличное движение за окнами совсем стихло. Мимо прошла смотрительница тюрьмы с сумкой.

– Допустим, человек после сеанса ретрогипноза считает, что в одной из прошлых жизней он был рыцарем-крестоносцем. А вдруг ему на самом деле просто приснилась какая-нибудь история, которую он читал в детстве, а потом забыл?

– Ну нет, при погружении в прошлое все слишком реально. Некоторые детали никак нельзя извлечь из романа или школьного учебника. – Лора принялась разбирать стопку одежды, которую перемерила леди Антония Хьюэр-Уолш. – Известны случаи, когда испытуемые под гипнозом говорят на языках, которых никогда не изучали.

– И трахаются с людьми, которых никогда не знали?

Лора повесила на сосновую вешалку очередную юбку.

– А я бы хотела, подобно тебе, перенестись в другую эпоху. – Она накинула на крючок еще какую-то одежду.

– Да не была я в другой эпохе, – возразила Чарли.

– Ты же говорила, что сидела в старом автомобиле.

– Ну, не в таком уж и старом, послевоенного образца.

Лора помолчала.

– Витрина никуда не годится. Думаю, нам следует обновить ее. – Она повесила юбку на стеллаж. – Ты ведь мало что знаешь о своем прошлом, не так ли? Тебе ничего не известно о настоящих родителях, об их предках, да?

– Моя мама скончалась при родах, – ответила Чарли.

Приятельница была абсолютно права, и это неведение всегда ее беспокоило.

– А что насчет твоего биологического отца?

– Он умер от разбитого сердца.

– Что-что?

– По крайней мере, так мне всегда говорила приемная мать, – защищаясь, сказала Чарли.

– Разве мужчины умирают от разбитого сердца?

– Значит, умирают. – В детстве такое объяснение выглядело вполне убедительно, однако насмешка на лице Лоры вдруг заставила Чарли усомниться, и ей захотелось сменить тему разговора. – А знаешь, я думаю, что никакого возвращения в прошлое не было. Все объясняется очень просто: мне приснился эротический сон, потому что за последние пару месяцев мы с Томом занимались любовью всего один раз, когда вернулись после первого осмотра дома.

– Интересно, чего надеется достичь специалист по иглоукалыванию, обрекая тебя на воздержание?

– Говорит, что якобы пытается таким образом отрегулировать энергетический баланс в организме, чтобы я стала более восприимчивой. Не смейся, Лора. Между прочим, ты сама посоветовала мне попробовать иглоукалывание.

– У этих специалистов по нетрадиционной медицине порой бывают странные идеи. Хочешь кофе?

– Что ты, мне к нему даже прикасаться нельзя. Еще один закидон врача.

– А чай?

– Тоже под запретом. У тебя есть сок?

– Может, минералки?

– С удовольствием. Скажи, ты когда-нибудь слышала о модельерше по имени Нэнси Делвин?

– Нэнси Делвин? Вроде что-то знакомое, а почему ты спрашиваешь?

– Она жила в Элмвуд-Милле.

– Где? А, в этом доме, который вы хотите купить! Как, кстати, продвигаются дела?

– На этой неделе все должно окончательно решиться. Хоть бы получилось!

– Переживаешь?

– Еще как.

– А по тебе и не скажешь.

– Нет, я правда волнуюсь. Непросто на такое решиться: взять и уехать из Лондона.

– А я люблю сельскую жизнь. Если бы не это мое заведение, я бы переехала в деревню.

Лора прошла в маленькую комнату в задней части магазина и спустя несколько минут появилась оттуда с кружкой кофе и стаканом минералки. Стакан она передала Чарли, а сама принялась размешивать кофе.

– Кстати, Флавия Монтессоре беспокоится о тебе, – сказала она. – Гипнотизерша звонила мне сегодня утром, перед тем как уехать в аэропорт. Вообще-то, я долго сомневалась, говорить тебе или нет…

– Интересно, с чего бы ей вдруг беспокоиться?

– Сама не пойму. Она выразилась довольно туманно: дескать, уловила какие-то негативные вибрации.

– В связи с чем? – спросила Чарли, внезапно встревожившись.

– Она считает, что тебе стоит продолжить сеансы ретрогипноза, ну, после ее возвращения из Штатов.

– По мне, так все это выглядит как откровенное жульничество.

– Нет, Флавия Монтессоре не из таких. Она берется возвращать в прошлое только тех людей, у которых, по ее мнению, действительно были прошлые жизни.

Чарли улыбнулась:

– Единственный способ продать платье – это в самом деле поверить, что оно кому-либо идет, ведь так?

Улыбка скрывала ее беспокойство, как обои – трещину в стене. Она подошла к окну. Мимо нее снаружи проходили фигуры, размытые скользившим по стеклу дождем. Размытые и неясные, как ее прошлое.

Проснувшись после сеанса у Флавии Монтессоре, Чарли испытала безотчетное беспокойство. И потом, в течение ночи и весь сегодняшний день, она пребывала в этом состоянии, словно глубоко внутри ее взбаламутился и никак не мог улечься какой-то осадок.

7

Чарли поменяла цветы в вазе в комнате своей приемной матери – единственное, что она могла для нее сейчас сделать и делала каждую неделю.

Стряхнув воду со стебельков гвоздик, она выбросила их в мусорное ведро. Из окна, в которое струился солнечный свет, делавший воздух в комнате жарким и удушливым, открывался вид на парк – вид, которым мать никогда не интересовалась и который, похоже, не расположена была замечать вообще. Тем не менее Чарли платила за него дополнительно. Ее мать содержалась в дорогой частной лечебнице.

Седовласая женщина молча лежала в постели, отказываясь покидать ее. Она ни на что не реагировала, и лишь моргание глаз свидетельствовало о том, что она все еще жива.

– Твои любимые цветы, мама. Они выглядят очаровательно, ведь правда?

Приподняв розы, Чарли тыльной стороной ладони коснулась холодной щеки матери. Глазная мышца на лице пожилой женщины слабо дернулась. Несколько месяцев назад мать еще могла выговаривать отдельные бессвязные слова, но теперь прогрессирующая болезнь центральной нервной системы отняла у нее даже такую возможность.

Чарли перевезла в эту небольшую комнату часть мебели из квартиры матери: два кресла, комод и телевизор, который никогда не включали. На тумбочке у кровати стояли фотографии в рамках: малышка Чарли во время первого купания, Чарли с обезьянкой на набережной Брайтона, Чарли в свадебном платье, улыбающаяся во весь рот, а рядом Том – растерянный, в строгом костюме. Сильные ароматы дезинфицирующего средства и свежего белья не могли заглушить слабый запах мочи.

Чарли поднесла розы прямо к носу матери. Их аромат навевал воспоминания о детстве, когда приемный отец подрезал в саду розовые кусты. Потом ей вспомнилась оранжерея: вот папа срывает спелый помидор и дает ей. Чарли впивается в него зубами, и струя сока хлещет прямо по отцовской рубашке, а зернышки падают ей на платье, и оба они хохочут.

Отец умер от рака, когда ей было семь лет. Лучше всего Чарли помнила его глаза, большие прозрачные глаза, всегда смотревшие на нее так ласково, глаза, которым она полностью доверяла. Когда папа лежал при смерти, они одни оставались живыми во всем его высохшем до костей теле, а теперь вот смотрели на приемную дочку из рамочки около кровати.

Она перевела взгляд на маму. Казалось, тоска так и сочилась из этой хрупкой женщины, много лет трудившейся изо всех сил, воспитывая Чарли, чтобы за все свои усилия получить в награду паралич. Все их сбережения ушли на лечение отца, и после его смерти они переехали из собственного дома в квартиру. Чарли теперь ложилась спать под стрекот швейной машинки в гостиной: мать зарабатывала на жизнь, делая на дому мягкие игрушки для компании «Уотлхэмстоу». Она не отдыхала даже по выходным и праздникам: пыталась выручить дополнительные деньги, упаковывая для той же самой фирмы банты для волос в полиэтиленовые мешочки. Дважды в неделю к ним заезжал белый фургончик: забирал готовую работу и привозил новую. Казалось, вся их жизнь двигалась по расписанию фургончика.

Пристроив мать в эту частную лечебницу, Чарли поехала убрать квартиру в Стритэме. Под шум уличного движения и вопли ребенка с верхнего этажа она рылась в ящиках комода, вытаскивая то колготки, слегка пахнувшие духами, то жестяную коробку из-под сигарет «Дю Морье», полную шпилек, то какой-нибудь коричневый пакет, набитый давней любовной перепиской ее приемных родителей. Она искала хотя бы газетную вырезку с извещением о смерти… Но не нашла ничего.

Темно-красные и белые лепестки роз, которые Чарли поставила в вазу, напоминали атласную ткань.

– Они очень красивые, правда? – И дочь крепко стиснула слабую костлявую руку матери, пытаясь отыскать в ней хоть немного теплоты.

Чарли захотелось опять, как когда-то в детстве, уютно устроиться на этих руках. До чего же грустно становится, когда понимаешь, что все имущество одного человека можно уложить в чемодан, сундучок или ящик. Кажется, что туда можно без труда упаковать и целую жизнь. Жизнь, которая когда-то была, как и ее собственная, полна надежд и бесчисленных возможностей, о чем, наверное, говорилось в тех любовных письмах… И вот все это кануло в никуда. Чарли заморгала, стряхивая нахлынувшие слезы.

– А мы переезжаем, мама, – бодро сказала она. – Мы купили дом за городом. В Элмвуд-Милле. Ну разве это не романтично? Там есть сад и старинная мельница, с настоящей запрудой для мельничного колеса, есть амбар, а еще мы собираемся завести кур. Буду привозить тебе свежие яйца. Правда, здорово?

Рука матери задрожала, – казалось, она стала еще более холодной и влажной.

– В чем дело, мама? Не беспокойся, это недалеко, всего сорок пять минут на поезде. Я по-прежнему буду навещать тебя, так же часто, как и прежде.

Рука матери дрожала все сильнее.

– Ты сможешь приезжать к нам в гости, там уйма комнат. Как ты на это смотришь? – Она с тревогой заметила, что по внезапно побелевшему лицу больной струится пот. – Все в порядке, мама, не беспокойся! Это ведь совсем близко от Лондона! Мне придется добираться сюда из Элмвуда ничуть не дольше, чем из Уондсворта.

Дверь открылась, и вошла сиделка, крепкая девушка с широкой белозубой улыбкой:

– Не хотите ли чая, миссис Уитни?

– Кажется, маму немного лихорадит, – сказала Чарли, вставая.

Сиделка поспешила к кровати, пощупала у старухи пульс, а потом положила ладонь ей на лоб:

– Вашей маме недавно назначили какое-то новое лечение. Я попрошу врача прийти.

Чарли понизила голос:

– Думаю, это я расстроила ее. Сказала, что мы переезжаем за город, и она, наверное, испугалась, что теперь я не смогу часто ее навещать.

Девушка одарила Чарли ободряющей улыбкой:

– Нет-нет, пациентка сейчас вообще ничего не способна воспринимать. Я уверена, что она дрожит от холода или это реакция на новое лечение. Я сейчас же позову врача.

Сиделка поспешно вышла из комнаты, и Чарли с тревогой стала ждать. В парке за окном женщина толкала перед собой старенькую детскую коляску черного цвета, слышался шум уличного движения, гудели машины. Чарли посмотрела на мать. Глаза ее были закрыты, дрожь стихла. Она спала.

8

Переезд назначили на пятницу, 12 сентября.

Хотя Чарли всю жизнь мечтала жить за городом, сегодня она никак не могла настроиться на отъезд из Лондона, окончательно поверить в то, что теперь она станет сельской жительницей.

Громко шумел мотор «ситроена», теплый воздух бабьего лета, лившийся через открытые стекла, не мог охладить пылавшее от возбуждения лицо молодой женщины. Обогнав трактор, она медленно переехала гребень холма. Потом мельком посмотрела в зеркало в ожидании, когда подтянется фургон с мебелью. «Ауди» Тома впереди тоже замедлил ход.

«ЭЛМВУД: В ОБЪЕЗД ЧЕРЕЗ БАЗЛЭЙАКС». Рабочий на спортивной площадке укатывал поле для крикета. Из-за газетного ларька вышел ребенок с банкой кока-колы. Позади него на ветру колыхался флажок с рекламой мороженого. Чарли уже был знаком этот короткий объездной путь, мимо бензозаправочной станции; в конце пологой дорожки открывался вид на церковь, вправо уходило оживленное шоссе, перед антикварной лавочкой продавались безделушки. Она уже присмотрела поблизости пару неплохих магазинчиков: мясной и овощной.

Приблизительно через милю Том свернул с главной дороги и проехал через ворота к видневшимся вдалеке домам. Чуть поодаль на столбе были прибиты в ряд несколько указателей: «ПОМЕЩИЧИЙ ДОМ», «ФЕРМА ТАДВЕЛЛА», «РОЗОВЫЙ КОТТЕДЖ», «ЭЛМВУДСКИЙ РЫБОЛОВНЫЙ КЛУБ». А на самом нижнем знаке с трудом можно было различить стертые буквы – «ЭЛМВУД-МИЛЛ».

В зеркале заднего вида у Чарли появился мебельный фургон; пришлось свернуть в облако пыли, поднятое колесами «ауди». Чарли беспокойно взглянула на картонную коробку, лежавшую на коврике под соседним сиденьем.

Тропинка пошла под уклон, а потом выровнялась, миновав большой современный дом из красного кирпича во все еще цветущем саду. Блондинка в высоких сапожках и купальнике бикини широкими шагами направлялась от конюшни к «рейнджроверу». В саду виднелся плавательный бассейн, окруженный белоснежными бюстами на колоннах в античном стиле. «Фу, ну и пошлость», – подумала Чарли. (Впоследствии Том окрестил их Памятником дурновкусице.)

За заброшенным прудом стоял деревянный амбар, искусно превращенный в дом, с пристроенной к нему полуразвалившейся мастерской под крышей из гофрированного железа. Старенький автомобильчик-седан был припаркован вплотную к дому. Через открытые двери мастерской виднелась пара ног, высовывавшихся из-под приподнятого домкратом автомобиля.

Столб пыли из-под колес «ауди» заставил Чарли зажмуриться. Позади с трудом пробивал себе дорогу мебельный фургон.

У стены другого здания, серого кирпичного коттеджа с забором из белого штакетника и аккуратным палисадником, стоял старенький велосипед, а рядом, на подъездной дорожке, – допотопный автомобиль «моррис-минор». Тропинка сузилась и снова пошла под уклон, теперь «ситроен» с обеих ее сторон, словно щетки на автомойке, задевали высокие кусты. Чарли внезапно испытала приступ клаустрофобии. За минувшие две недели кусты буйно разрослись. Ветка ежевики зацепилась за окно, и антенна зазвенела, завибрировала.

Из-за изгороди на них таращилась корова, стоявшая рядом со старой ванной, служившей ей кормушкой. Потом свет потускнел, потому что солнце закрыли сомкнувшиеся ветви деревьев, поднимавшихся по обеим сторонам. Среди деревьев качались провода, протянутые между стоявшими вдоль тропы телеграфными столбами. Чарли нервно куснула ноготь. Старинный дом на отшибе, оборванные телеграфные провода – меньше надо смотреть ужастиков.

Бен заскулил. Звук донесся словно бы издалека. И тут Чарли впервые осознала, в какой глуши оказалась. Весьма необычное ощущение – чувствовать себя удаленной от большого мира.

– Все нормально, малыш! Мы уже почти… – Она заколебалась. – Мы почти дома!

Элмвуд-Милл.

Еще прошлой ночью, со стоящими в углах скатанными коврами и опущенными занавесками, он был чужим. А как же их лондонское жилище? Ну до чего же печально, что сегодня тот или иной дом может быть твоим, а назавтра уже принадлежать совершенно постороннему человеку. Все в прошлом. И невозможно вернуться назад. Мосты сожжены. Сегодня вечером в доме номер четырнадцать по Апстед-роуд поселятся другие люди, со своими заботами, радостями и печалями. Новые хозяева, по всей вероятности, перекрасят парадную дверь и замостят палисадник, и они с Томом, проезжая мимо через пару лет, уже не узнают свой бывший дом.

У следующего поворота дорожка была усыпана обрезками ветвей и побегами ежевики. Кустарник аккуратно, гладенько подстрижен. Чуть дальше невысокий мужчина в вязаной шапочке, опустив электрические ножницы, прижался к изгороди, чтобы дать Чарли проехать. Она помахала незнакомцу в знак признательности, а Бен залаял на него.

Когда Чарли остановилась, Том с видимым трудом вытаскивал из багажника «ауди» набитый продуктами термобокс, а мебельный фургон тем временем уже осторожно протискивался между столбами ворот. Выбираясь из машины, она услышала шум воды, падающей на мельничное колесо. Ошалевший Бен бестолково носился туда-сюда.

Открыв крышку картонной коробки, Чарли увидела, что липкая пленка с отверстиями, накинутая на горловину шара-аквариума, на месте, а Гораций бодро плавает взад-вперед. И вздохнула с облегчением. Если бы во время переезда рыбка умерла, Чарли посчитала бы это дурным предзнаменованием.

Двигатель мебельного фургона громко застучал, а потом затих. Воцарилась тишина, если не считать шума падающей воды. День выдался жарким, ни ветерка. Где-то в отдалении проблеяла овца; затем до них донеслись два слабых хлопка, – видимо, кто-то стрелял из дробовика. Выводила трель какая-то неизвестная птичка. Когда Чарли шла через двор, гравий хрустел у нее под ногами. Бен снова залаял.

Хлопнула металлическая дверца фургона. Послышались голоса. Резко взлетел шмель, и Чарли отшатнулась. До нее донесся жизнерадостный голос Тома:

– Ребята, пивка никто не хочет?

Она подошла к ручью. Всего-то фута три шириной и, наверное, около двух в глубину, так что его можно без труда перепрыгнуть. Сквозь быстро текущую воду, чистую и свежую, просматривалось устланное галькой дно. Над ручьем промелькнула тень какой-то птицы.

– А неплохо бы сейчас искупаться! – раздался чей-то голос. А затем она услышала, как с шипением открылась банка с пивом.

Чарли смотрела на противоположный берег, на аккуратный участок, покрытый травой.

«Конюшни».

Это слово возникало каждый раз, когда Чарли приезжала сюда, всплывая из темных, недосягаемых глубин подсознания, как будто желая подразнить ее.

Выяснилось, что наследники Нэнси Делвин вывернули в доме абсолютно все электрические лампочки.

– Вот ублюдки! – выругался Том и отправился на поиски магазина электротоваров.

Устроив себе перерыв на обед, грузчики уселись с бутербродами на берегу ручья. Чарли отнесла аквариум с Горацием в дом и осторожно поставила его на сушилку.

– Ну как, нравится тебе наш новый дом? – Она, поджав губы, оглядела кремово-желтые стены. – Думаю, надо их перекрасить. Есть какие-нибудь предложения?

Чарли прошлась по дому, резиновые подошвы туфель скрипели на не застланном коврами полу. Без мебели комнаты казались меньше и темнее, да и потолки как будто бы вдруг стали ниже. Светлые прямоугольники на стенах отмечали места, где прежде висели картины или стояли шкафы. Это напомнило Чарли документальный фильм о Хиросиме, на который ее в детстве водила мать. Там показывали тени на стенах: всё, что осталось от людей, чьи тела испарились после взрыва атомной бомбы.

Чарли забралась по крутой лестнице в мансарду. Сквозь пыль, висевшую в воздухе, словно снеговая завеса, – отчего она почувствовала щекотание в носу и горле – из единственного маленького оконца пробивались лучи света. В помещении было жарко и попахивало гнильцой. Единственным звуком, прорезавшим стоявшую в мансарде жутковатую тишину, было резкое «тук-тук-тук»: это капли воды методично ударялись о какой-то металлический предмет. Коробки с хламом, покрытые пыльными газетами, отсюда уже убрали. Когда Чарли шла к окну, жесткие доски пола прогибались, распрямляясь потом с тупым треском, так что в воздух поднимались маленькие клубы пыли.

Больше всего пыли от человеческой кожи.

Было в этом доме что-то сверхъестественное. Ну и странные мысли приходят ей в голову. Наверняка просто перенервничала в связи с переездом. Кстати, психологи считают, что переезд может стать психологической травмой. Что-то в этом роде говорил ей Том.

Из окон открывался красивейший вид на пруд. Примерно в двух милях за леском и ниже, в долине на дальнем берегу ручья, виднелась крыша какого-то большого дома с трубами, из которых шел дым.

Все непременно наладится. Том прав: это прекрасное вложение капитала. Где еще найдешь такое очаровательное и спокойное место?

Какая-то тень пересекла стену, словно кто-то прошел за спиной у Чарли. Она обернулась, но мансарда была пуста. «Наверное, птица пролетела мимо окна», – подумала она. Но тут темное пятно метнулось в другом направлении. Чарли забеспокоилась и шагнула влево-вправо, желая проверить, не ее ли это тень.

Треск над головой напугал женщину, но раздавшееся затем щебетание птицы успокоило ее. Внизу перекрикивались грузчики, их голоса отсюда были едва слышны. Снова щелкнула доска пола, будто кто-то наступил на нее. Чарли огляделась. Наверное, половица просто встала на свое место после того, как по ней прошли, решила она, однако все же поспешно покинула мансарду.

Когда она спустилась на площадку первого этажа, несколько глухих стуков эхом быстро разнеслись по дому.

Дверное кольцо, сообразила Чарли и направилась к входной двери. На пороге стоял высокий мужчина лет сорока с небольшим, в чумазом рабочем халате с изношенным воротником. На шее у него красовался довольно потрепанный галстук. Несмотря на неопрятную бороду, растрепанные белобрысые волосы и запавшие щеки, Чарли понравилось лицо незнакомца: сразу угадывался человек, на которого можно положиться, и к тому же благородных кровей: было в нем что-то от русского аристократа. В его проницательных глазах плясали озорные искорки.

– Я Хью Бóксер, ваш сосед. Вот, решил зайти к вам познакомиться. – Его голос звучал вежливо, но непринужденно.

Она протянула ему руку:

– Чарли Уитни.

Он обтер свою запачканную ладонь-клешню о штанину и крепко пожал ее руку:

– Добро пожаловать на нашу улочку.

– Спасибо. – Она улыбнулась. – А где ваш дом?

– Да вот он. Не слишком шикарный. Это бывшая ферма Тадвелла.

– А зачем вам столько старых автомобилей?

Когда Хью улыбнулся ей в ответ, лицо его сморщилось, а кустистые брови приподнялись.

– Кое-кто из деревенских жителей разводит животных, а я предпочитаю автомобили. Их, по крайней мере, не нужно доить.

Она засмеялась, а гость продолжил:

– По правде говоря, вторая причина, по которой я зашел познакомиться с вами, – это автомобиль. Нельзя ли оставить его здесь на денек-другой?

– Про какой автомобиль вы толкуете? Боюсь, что я вас не понимаю, – сказала Чарли.

– Старый родстер «триумф» Нэнси Делвин. Я купил его на распродаже имущества. Он стоит у вас в амбаре, позади снопов соломы.

– Я и не знала, что там есть автомобиль. Это какой-то раритет, да?

Грузчики начали вынимать из фургона диван.

– Не совсем, – ответил Хью Боксер. – В округе есть еще несколько таких же. Смотрели сериал «Бержерак»?

Чарли кивнула.

– Вот там у главного героя похожий автомобиль. Я думаю, что на «триумфе» мисс Делвин не ездили уже лет тридцать.

– Вы коллекционируете старые машины?

– Вроде того.

Он бросил на нее проницательный взгляд, как бы желая понять, что представляет собой новая соседка, и Чарли почувствовала себя неуютно. А тем временем грузчики за спиной Хью Боксера затаскивали диван по ступенькам в дом.

– Для того чтобы добраться до своего автомобиля, мне придется чуть ли не целый день отодвигать снопы соломы, – пояснил Хью. – Я постараюсь забрать его на следующей неделе.

– Можете не спешить. Мы пока вообще не собираемся пользоваться амбаром.

Они отступили в сторону. Боковой валик дивана громко ударился о дверной косяк.

– Куда его поставить, мэм?

Чарли показала в сторону гостиной:

– Куда-нибудь туда.

– Не буду вам мешать, – сказал Хью Боксер. – Если вам вдруг понадобится моя помощь, не важно какая, просто покричите.

– Весьма любезно с вашей стороны… А не знаете, что за парень подстригает кусты вдоль дорожки?

– А, это Гедеон, очень, кстати, неплохой садовник. Мы тут все его нанимаем. Думаю, он зайдет познакомиться с вами.

– Да, нам про него говорили. А где тут поблизости можно перекусить?

– Лучше всего в трактире «Святой Георгий и дракон». Повернете с дорожки направо и дальше все время прямо, еще примерно милю.

– Спасибо. Вот немного обустроимся и непременно пригласим вас в гости.

– А много вам тут придется переделывать? – Хью Боксер с интересом заглянул внутрь.

– Да, без хорошего ремонта не обойтись.

– Но все равно дом просто замечательный. Лично мне он всегда очень нравился.

Хью поколебался, словно собираясь сказать что-то еще, а потом повернулся. Чарли спустилась следом по ступенькам, и Бен подбежал к ним.

– Привет, дружище! – Сосед приостановился, чтобы потрепать собаку. – Не очень-то ты годишься в сторожевые псы, правда?

Он бодро помахал Чарли и зашагал прочь.

* * *

У амбара были двойные двери, причем обе половинки прогнили и удерживались на месте кирпичами. Чарли потянула створку на себя. Какое-то маленькое существо пронеслось по амбару и исчезло в тени. Внутри пахло соломой и машинным маслом. Перед ней стояла допотопная газонокосилка с сиденьем, купленная у наследников хозяйки Элмвуд-Милла. Контейнер для травы был отцеплен и прислонен к стене рядом. Это была едва ли не единственная вещь из тех, что им захотелось приобрести и за которую запросили приемлемую цену.

Примерно посередине амбара высилась стена из снопов соломы. Узкий проход, в который Чарли ни разу не заглядывала, вел направо. Подойдя поближе, она увидела под высоким окном старый рабочий верстак. В помещении, похожем на заброшенную мастерскую, куда она протиснулась, было темно, свет просачивался лишь через единственное грязное окно.

В центре амбара под куском брезента, густо покрытым пылью, вырисовывались очертания автомобиля. Сердце Чарли вдруг подпрыгнуло, и она ощутила непонятную тревогу, словно бы перед нею было какое-то спящее чудовище, которое лучше не трогать. На стропилах что-то заскреблось, и оттуда потекла струйка пыли. Крысы? Летучие мыши? Над Чарли высилась соломенная стена. Постепенно глаза привыкли, и из мрака возникли новые очертания. Старый металлический стол. Садовая косилка со сломанной рукояткой.

Не лучше ли вернуться? Что за глупости? Не хватало еще бояться привидений в своем собственном амбаре!

Приподняв угол брезента, Чарли обнаружила под ним хромированный бампер с тусклыми вмятинами и черное крыло с боковым фонарем. Женщина попыталась поднять брезент повыше, но он оказался слишком тяжелым. Она прошла вбок, оттянула брезент на капот, обнажив вертикальный радиатор, зажатый между двумя массивными фарами. По верху радиатора шла хромированная насадка, а спереди был прикреплен небольшой круглый значок с изображением земного шара, поперек которого шла надпись «Триумф».

Чарли отступила назад, волоча грубую материю через весь кузов поверх крыши. В конце концов скомканный брезент кучей соскользнул на пол. В ноздри ей ударил запах металла, заплесневевшего брезента и выдохшегося бензина.

Машина выглядела странно знакомой.

Где же она ее видела? Да на экране телевизора, вот где. Недаром же сосед упомянул про детективный сериал «Бержерак». Чарли обошла автомобиль, внимательно разглядывая его: спортивный, с откидным верхом, подножками и как бы обрубленным носом. В задней части крыши виднелось узкое оконце, и еще две стеклянные панели находились со стороны багажника, где располагались складные сиденья. Толстый слой пыли покрывал черную краску. Шины спущены. Сквозь густую паутину в углу ветрового стекла различался талон техосмотра. Наклонившись, Чарли с трудом разобрала поблекшую надпись: «НОЯБРЬ 1953».

Она надавила на ручку дверцы со стороны пассажирского сиденья и потянула ее на себя. Дверца распахнулась, щелкнув, словно надломилась печать времени, и запах старой кожи и истлевшего брезента вырвался изнутри, окутав Чарли.

Воцарилась мертвая тишина. Чарли казалось, что она вторгается в чужие владения. Протиснувшись в дверцу, она уселась на сиденье, жесткое, с прямой спинкой. Из приборной доски выступали на металлических стержнях выпуклые черные головки, посреди которых были вмонтированы две круглые белые шкалы, а рядом виднелся спидометр. Из большого руля с перекладинами-спицами, почти касавшегося правой руки Чарли, высовывался наподобие антенны крохотный рычаг для переключения передач. Женщина потянула на себя дверцу, и та закрылась с глухим стуком. Она почувствовала себя зажатой между крышей, находившейся в нескольких дюймах над головой, и ветровым стеклом, которое было прямо у нее перед носом.

Отодвигаясь дальше на сиденье, она всем своим существом ощущала напряженную тишину. Сквозь пыль на ветровом стекле виднелись очертания капота и насадка на радиаторе. Коснувшись одной из черных головок на приборной доске, Чарли сжала ее и повернула. Тугой рычаг не сдвинулся. Чарли нажала посильнее, и щетка дворника на ветровом стекле приподнялась на дюйм, разорвав несколько прядей паутины. Она испуганно отшатнулась, и щетка упала. По ветровому стеклу побежал вверх паук. Чарли поморщилась и виновато положила руку на колени.

Ее трясло. Сиденье заскрипело, затрещало, зазвенела пружина. И где-то внутри ее тоже как будто бы распрямилась некая пружина.

Автомобиль определенно был ей знаком. И не только по телевизионным сериалам. Она сидела в подобной машине и раньше, путешествовала в ней. Чарли была уверена, что именно в таком вот старом автомобиле она занималась любовью на сеансе ретрогипноза.

Она припомнила все детали: шершавый твидовый пиджак мужчины, ветер, трепавший ее волосы, жесткую езду по неровной поверхности, натужные усилия мотора, стук выхлопной трубы, когда водитель переключал передачи, мятный привкус жевательной резинки…

Чарли помнила, какое она испытывала наслаждение, когда палец мужчины оказывался внутри ее… И как их подкидывало на поворотах, и как машина, скользя, останавливалась. И запах жженой резины, свежей кожи, громыхание выхлопной трубы, дребезжание двигателя, щекочущий ее лицо твидовый рукав пиджака. Она вспомнила, как любовник наклонился к ней и как их губы слились в жадном поцелуе. И как она, поспешно вынув изо рта шарик жевательной резинки, прилепила его под крышку бардачка.

Внезапно раздался странный звук, словно бы кто-то выстрелил из пистолета.

Чарли рывком села прямо. Она вдруг вспотела, а под ложечкой засосало от страха. Женщина потрясла головой, но ее волосы, слипшиеся от пота, едва шевелились. Пот ручейками сбегал по шее, лился из-под мышек; она вся тряслась. Казалось, что автомобиль вокруг нее сжимался, и воздуха становилось все меньше и меньше, как будто его отсасывали насосом.

Пошарив в поисках дверной ручки, Чарли наткнулась на что-то маленькое и твердое. Она, спотыкаясь, выбралась наружу, оцарапав ногу, но едва обратила на это внимание. Распрямившись, Чарли пристально посмотрела на маленький твердый предмет, поднесла его к окну, но было слишком темно, чтобы разглядеть.

Она поспешила выбраться из амбара наружу, под ослепительные лучи яркого солнца. И сразу принялась изучать находку. Что это? Всего полдюйма в ширину, нечто темно-серое и изрытое впадинами, словно миниатюрный ссохшийся мозг. Крошечная полоска деревянного шпона прилепилась к непонятному предмету с одной стороны.

Это был засохший шарик жевательной резинки.

Ее рука затряслась, заставив жвачку заплясать, словно капельку слюны на раскаленной сковороде. Резинка выпала из руки. Чарли попыталась разглядеть ее на дорожке, потом опустилась на колени, просеивая гравий, шаря руками взад-вперед. Со стороны дома она услышала какой-то окрик, а затем звук металлического удара, хруст шагов, смех. Она продолжала рыться в гравии, расширяя ямку, но резинка бесследно исчезла, поглощенная галькой, точно так же как море смывает отпечатки ног на песке.

– Миссис Уитни? – окликнул ее чей-то голос. – Объясните нам, пожалуйста, куда поставить коробки!

– Иду! – крикнула она.

Сотни людей жуют резинку в автомобилях. Тысячи. Миллионы. И нет ничего особенного в том, что в каком-то автомобиле нашлась старая жевательная резинка.

Совсем ничего особенного.

9

Ужиная на воздухе, в укромном внутреннем дворике позади дома, неспешно распивая бутылку шампанского, Том и Чарли смотрели, как красный шар солнца, оставляя после себя сумерки и жару, опускается за конский выгул.

Дни становились заметно короче. Через несколько недель светлое время суток начнет стремительно сокращаться, но сейчас, в этот жаркий благоуханный вечер, зима казалась бесконечно далекой. Медленно чернел, превращаясь в силуэт, каштан возле дома; в металлически-сером небе появились звезды; порхали с места на место летучие мыши; летящие в сторону аэропорта Гэтвик самолеты подмигивали сверху огнями.

Скрупулезно обсудив все проблемы, связанные с домом, Том и Чарли составили перечень дел, которые надлежит сделать в первую очередь. А потом, уже перед самым сном, занялись любовью. Но сегодня это странным образом больше походило на ритуал, чем на проявление страсти, напомнив Чарли ночь после свадьбы. До этого они с Томом прожили вместе два года, но понимали, что необходимо соблюсти формальность – как никак первая брачная ночь, – хотя оба чувствовали себя уставшими и вымотанными до предела.

И сегодня вечером произошло нечто в том же роде. После таинственного открытия – сначала автомобиля в амбаре, а потом жевательной резинки под бардачком – Чарли хотелось, чтобы ее держали в объятиях, и хотелось самой обнимать мужа. Ей необходимо было ощущать реальность. Интересно, а о чем думал в этот момент сам Том?

А потом через открытое окно донеслись эти звуки. Звуки ночи. Они раздавались из царившего там, за стенами дома, мрака. И Чарли вновь ощутила во рту вкус той мятной жевательной резинки.

Бен неугомонно шлепал по комнате, ворча в ответ на визг и писк за окном, на жуткое тявканье лисиц.

Было два часа ночи. Чарли выскользнула из кровати и прошла по покатому деревянному полу к окну, на которое еще не повесили занавески. Поверхность озера серебрилась в свете молодой луны. Где-то в темноте какая-то тварь испустила пронзительный вопль ужаса, вскоре за которым последовали другие, а потом раздался последний вскрик, более громкий и продолжительный, чем все предыдущие. В подлеске послышался шелест, а затем наступила тишина. Мать-природа и богиня Земля играли между собой в карты, поддерживая движение в цепи времени. Рождение и смерть. Снова и снова, методичное возобновление извечного цикла жизни и смерти.

Убийцы из телесериалов тоже были где-то там, за окном. Притаились в этой чернильной тишине.

По случаю переезда Том взял двухнедельный отпуск, но утром хотел обязательно съездить в Лондон. Надо было встретиться с очередным клиентом. Какая-то ревнивая дамочка облила краской новый автомобиль своего неверного мужа и ослепила его почтовых голубей. Том чуть ли не каждый день рассказывал ей подобные истории. Порой Чарли даже думала, что нет в мире преступлений более жестоких, чем те, которые творятся под завесой святости брака.

А вода тем временем неустанно скользила через осклизлую кирпичную кладку запруды, обрушиваясь вниз, в темную пену за перемычкой. Ее шум как бы отдавался эхом в этой фантастической тишине. Все казалось Чарли нереальным и пугающим, ей хотелось вернуться домой.

И Чарли приходилось постоянно напоминать себе, что она и так дома.

* * *

– Черт подери, да что же, интересно, такое у вас творится? Тут что, космодром?

Глаза сотрудника из Управления электроснабжения, явно страдающего базедовой болезнью, буквально вылезли из орбит, а выпуклый лоб покрылся бисеринками пота. Он постучал по зубам шариковой ручкой.

– Что вы имеете в виду? – спросила Чарли.

Шаги рабочих, ходивших в верхней комнате, отдавались по потолку.

Где-то заскрипела дверь. Усталая Чарли с раздражением смотрела на мужчину, который развернул блокнот, желая продемонстрировать ей свои пометки.

– Средний квартальный уровень потребления энергии равняется пятистам единицам. А вы нажгли аж семь тысяч.

– Это невозможно. Дом пустовал в течение года, а мы въехали сюда только вчера. – Чарли внимательно наблюдала, как вращается металлический диск. – Может, счетчик испорчен?

– Нет, я проверил. Он работает превосходно. Видите, как медленно вращается? В данный момент вы потребляете мало электроэнергии.

– Ну, тогда, наверное, случилось короткое замыкание или, не знаю, что-нибудь в этом роде…

– Вполне возможно, что где-то произошла утечка. Вам следует немедленно вызвать мастера и все выяснить. Иначе это слишком дорого вам обойдется.

– Мы как раз собираемся заменить проводку. Электрики должны прийти сегодня.

Чарли не была уверена, что служащий расслышал ее. Нахмурившись, он снова проверял счетчик.

Из всех отверстий плиты шел дым, Чарли постоянно подкашливала и терла глаза. На сосновом кухонном столе, рядом с автоответчиком, стоял новый красный телефон, с провода свешивался изящный медальончик с надписью «Одобрено компанией „Телеком“». Такого же цвета будет и газовая плита, когда они скопят на нее деньги. В перечне дел, который они с Томом составили прошлой ночью, замена старой плиты, работающей на твердом топливе, значилась под номером 43 (или, может, 53?). Первым пунктом списка шло «установить центральное отопление», а последним, под номером 147, было «оборудовать в амбаре бильярдную». В ближайший год, если они не обнаружат в доме катастрофических неполадок и если Чарли снова начнет работать на полную ставку, им в лучшем случае удастся добраться до пункта 21 – «поставить стеклопакеты». Ничего, со временем все труды окупятся. Это хорошее вложение капитала, правильно говорил мистер Бадли.

В дверь кухни просунул голову телефонист:

– Ставить аппарат на то же место, где был старый, в холле?

– Да, и сделайте, пожалуйста, провод подлиннее, – ответила Чарли, почесывая плечо, – похоже, ее укусил комар.

– А второй аппарат в спальню, да?

К его талии было прикреплено какое-то приспособление с большим телефонным диском. Чарли кивнула и закашлялась. Мастер посмотрел на кухонную плиту:

– Ей нужно много воздуха. Оставляйте дверцу открытой, пока не разгорится огонь. У моей мамы дома точно такая же.

– Держать открытой? Спасибо, попробую. Я сейчас приготовлю чай, или, может, вы предпочитаете кофе?

– Лучше чай, мэм, только не очень крепкий и без сахара.

Чарли открыла дверцу духовки и отошла подальше от потянувшейся изнутри струйки дыма. Потом взяла чайник и подставила его под кран. Ржавая бурая вода выплеснулась в гряз-

ную раковину, часть брызг полетела на тенниску Чарли. Кран зашипел, издал короткий всасывающий шум и умолк.

Черт возьми! Только теперь она сообразила, что имел в виду приходивший с утра водопроводчик, толковавший про какой-то запорный кран. Чарли отмахнулась от дыма. Из-за него и лившегося сквозь окна солнечного света в кухне стояла изнуряющая жара. Надо будет повесить сюда жалюзи, мысленно добавила она к списку пункт 148.

На полу вокруг открытого ящика с надписью «КУХНЯ» валялись скомканные газеты; на столе возвышалась груда посуды. В плите потрескивал огонь. Чарли перевела взгляд на стеклянный шар с золотой рыбкой и грустно поинтересовалась:

– Как дела, Гораций?

Пришлепал Бен и тоскливо уставился на хозяйку.

– Хочешь погулять, малыш? – Она погладила его мягкую кремовую шерстку, и пес лизнул ей руку. – Ты сегодня утром здорово налаялся, да? Столько народу у нас побывало: строители, электрик, телефонист и водопроводчик.

Она наполнила чайник из мельничного пруда, выглядевшего достаточно чистым, и дважды прокипятила воду. Дым, сочившийся из плиты, постепенно убывал, а огонь, казалось, напротив, набирал силу. Пока настаивался чай, Чарли восхищалась цветами, присланными на новоселье Лорой, и читала три поздравительные открытки от лондонских друзей. Затем она прослушала на автоответчике сообщение от Майкла Ома, одного из партнеров Тома, который был в отъезде и вернулся сегодня утром.

Не было никаких вестей лишь от овдовевшего отца Тома. Он много лет проработал в Лондоне таксистом, и ему отчаянно хотелось, чтобы единственный сын добился успеха, получил престижную профессию – словом, не походил на него самого. Том вроде как оправдал родительские надежды, но отец все равно постоянно на него обижался по всякому поводу, поскольку плохо понимал молодежь. Сам он родился и всю свою жизнь прожил в маленьком домике в Хакни. И когда Том сообщил, что они с Чарли переезжают за город, старик решил, что сын и невестка рехнулись.

* * *

Бен бежал впереди по подъездной дорожке. Строители выгружали материалы из грузовика с длинным кузовом. Сбоку от дома стояла большая стремянка. По гравию в тень между домом и амбаром вприпрыжку неслась белка. Чарли слышала мычание коров, гудение трактора, непрерывный рев воды и неистовый стук молотков на втором этаже.

В конце подъездной дорожки она почувствовала прохладную водяную пыль. Мельничное колесо вспенивало воду, но пруд был ровным, как натянутая кожа барабана. Около берега резвились в воде дикие утки, а где-то поблизости долбил дерево дятел.

Чарли пересекла железный пешеходный мостик, с опаской глядя вниз, на круглую кирпичную запруду-перемычку, напоминавшую шахту в рудниках. Она подумала, что развалившуюся изгородь среди кустов ежевики на другой стороне моста следует починить, иначе кто-нибудь может споткнуться и полететь вниз. Сойдя с мостика, она подождала, пока и Бен тоже благополучно перебежит на другой берег.

Сухая, утоптанная тропа изгибалась вверх и влево, пробираясь через лесок повыше пруда. Подлесок стал гуще, а деревья стройнее, в основном здесь рос граб. Многие деревья, вырванные с корнем – наверное, в зимние бури или ураганом 1987 года, – лежали там, где и упали, привалившись к другим; стволы частично скрывали заросли ежевики и других кустарников.

Следы кошмара, мучившего Чарли ночью, еще оставались где-то в подсознании: ей вдруг померещилась, будто какая-то лошадь вставала на дыбы и с фырчаньем разевала рот, обна-

жая клыки с прилипшим к ним шариком жевательной резинки размером с теннисный мячик. Лошадь наклонилась к Чарли, обдав ее горячим мятным дыханием, а потом весело заржала. Стряхнув с себя наваждение, женщина вдруг снова ощутила во рту мятный привкус.

Жевательная резинка. В том самом автомобиле. А вдруг…

Но она не успела додумать, поскольку едва не налетела на Бена, который внезапно остановился прямо перед ней. Пес принялся угрожающе лаять, и хозяйка забеспокоилась. Когда впереди на дорожке произошло какое-то движение, лай собаки перешел в рычание.

Показался высокий мужчина в стареньком твидовом костюме с кожаными заплатками на рукавах и в резиновых сапогах. Он, похоже, был чем-то обеспокоен и шел торопливо, то и дело спотыкаясь. Полоска лейкопластыря, приклеенная над правым глазом, и одинокая струйка пота, сбегавшая по его лицу, словно слеза, не мешали незнакомцу выглядеть весьма представительно. На вид ему было лет шестьдесят. Рычание Бена стало громче. Чарли ухватила пса за ошейник.

– Извините, мисс, не могли бы вы, если вам не трудно, сходить к Виоле и передать ей, что я буду чуть позже, – сказал мужчина, даже и не подумав представиться. – Я, черт подери, где-то посеял свои часы, так что мне придется вернуться и поискать их.

– А кто такая Виола? – спросила Чарли.

Мужчина раздраженно прищурился.

– Моя жена, кто же еще! – злобно воскликнул он. – Миссис Леттерс.

Чарли подумала, уж не псих ли перед ней.

– Я должен отыскать часы, прежде чем кто-нибудь их прикарманит. Они дороги мне как память.

– Извините, – сказала Чарли. – Мы только что сюда переехали, и я не знаю, где вы живете.

Бен рывками тянул хозяйку вперед.

– В «Розовом коттедже», надо подняться вот по этой тропинке! Я был бы вам весьма благодарен. Просто скажите Виоле, что я приду чуть позже.

Подняв палец в знак признательности, он повернулся и поспешил обратно по тропке. Чарли по-прежнему сдерживала Бена. Он все рычал, шерсть на его загривке встала дыбом, а глаза налились красным.

– Что такое, малыш? Ну же, в чем дело?

Она потащила пса вперед, и тот неохотно подчинился. Подождав, пока мужчина скроется из виду, Чарли решилась наконец отпустить Бена.

«Розовый коттедж». Она видела это название на табличке, когда ехала сюда. Должно быть, это тот самый каменный дом на горе. Бен бежал впереди, радостно обнюхивая все подряд.

Чарли вышла из тени деревьев, и солнечный свет, ударив в лицо, ослепил ее. Бен задрал лапу у куста. Высохшая и пыльная земля была усеяна рытвинами, вокруг кустов висело плотное облако жужжащих насекомых, рой мошек вился вокруг ее головы. Аромат вьюнков и скошенной травы смешивался с резким запахом навоза.

Когда сквозь деревья показалась крыша коттеджа, затявкала чужая собака. Хлопнула дверца автомобиля, и, словно сигнальная сирена, загремел женский голос:

– Перегрин! А ну успокойся!..

Чарли завернула за угол. Рядом с допотопным автомобилем «моррис-минор» на дорожке возле дома, огороженного частоколом, сжимая под мышкой картонную коробку из бакалейной лавки, стояла какая-то старуха. Другой рукой она держала за поводок крохотного йоркширского терьера. Бен игриво прыгнул вперед, но терьер ответил очередным залпом тявканья. Чарли сграбастала Бена за ошейник и заставила его сесть.

– Извините, вы миссис Леттерс? – стараясь перекричать тявканье терьера, спросила она.

– Да! – крикнула женщина в ответ.

На этой невысокой и пухлой даме, типичной деревенской жительнице, были прочные коричневые туфли, юбка из твида и заштопанный в нескольких местах пуловер. Лицо у миссис Леттерс было слишком румяное и испещренное прожилками, явно от неумеренных возлияний. Коротко стриженные, словно у мужчины, седые волосы были расчесаны на прямой пробор.

– Я ваша новая соседка, мы купили дом с мельницей. Меня зовут Чарли Уитни.

– Ах да, я слышала, что вы вроде как переезжаете на этой неделе. – Старуха свирепо посмотрела на терьера и взревела голосом, который мог бы остановить линкор: – Перегрин! – Собака замолчала, и хозяйка дома снова перевела взгляд на Чарли. – Очень приятно, а я Виола Леттерс. Боюсь, что не сумею пожать вам руку.

– Я здесь по поручению вашего мужа.

Старуха в ответ глянула на нее столь враждебно, что Чарли стало не по себе. Она показала в направлении тропинки и пояснила:

– Я просто встретила его вон там, и мистер Леттерс попросил меня зайти к вам передать, что придет чуть позже, поскольку потерял свои часы и собирается их поискать.

– Говорите, вы встретили моего мужа?!

– Ну да, джентльмена в твидовом костюме, с удочкой, так? Может, я не в тот дом попала?

– И он просил передать мне, что потерял часы?

– Да… и я… – Чарли заколебалась. Вид у женщины стал откровенно свирепым. – Мне показалось, что ваш супруг сильно расстроен. И… возможно, он поранился. Над глазом у него была полоска пластыря.

Терьер разразился очередным взрывом тявканья, и старуха, резко повернувшись, пошла к дому, волоча бедную собачку так, что ее лапы скользили по мощенной плиткой дорожке, а затем с громким стуком захлопнула за собой парадную дверь.

10

Во второй половине дня появился садовник, невысокий и жизнерадостный парнишка с заячьей губой. Он почтительно приподнял козырек бейсболки и гнусаво – видно, аденоиды были не в порядке – представился:

– Меня зовут Гедеон, совсем как одного из персонажей Ветхого Завета.

Чарли улыбнулась:

– Вы отлично поработали с живой изгородью.

– Я постарался, чтобы она выглядела получше к вашему приезду, – сказал садовник, явно довольный комплиментом. – Прежняя хозяйка вообще не хотела, чтобы здесь что-нибудь делали.

– А почему?

– Не знаю, я ее и видел-то всего несколько раз. Старуха оставляла мне деньги возле черного хода, чтобы я подстригал кусты и траву.

– И что, она никогда не выходила из дому?

– Не-а, ей все сюда доставляли. Мисс Делвин была, как говорится, затворницей.

– А почему она так странно себя вела?

– Между нами говоря, старуха правильно делала, что не высовывалась наружу: не дай бог никому увидеть такое страшилище! Вы меня извините, я прекрасно понимаю, что и сам далеко не Аллен Делон, но она выглядела просто отвратительно. – Парнишка покосился на дом. – А нет ли в саду какой-нибудь работы для меня?

Работы обнаружилась просто уйма. Они прошлись по территории усадьбы и договорились, что Гедеон устроит делянку между ручьем и изгородью и разобьет палисадник при кухне. Он сказал, что на такой влажной и песчаной почве все должно хорошо расти. И посоветовал Чарли купить семена капусты, белокочанной и брокколи, а также пообещал ей принести немного лука-порея. Он заверил хозяйку, что совсем скоро они будут есть овощи с грядки.

Чарли, которая только что прочитала взятое в библиотеке пособие по разведению домашней птицы, принялась с видом знатока рассуждать о курах. Гедеон знал, где можно приобрести хороших несушек, но посоветовал сначала укрепить курятник, чтобы сделать его недоступным для лисиц. Он обещал заняться этим немедленно и сказал, что его услуги стоят три фунта в час. Чарли оплатила ему работу по приведению в порядок живой изгороди, чем садовник якобы занимался целых восемь часов, что выглядело почти правдоподобно.

Она попыталась выудить из молодого человека побольше сведений о Нэнси Делвин, но Гедеон, похоже, не хотел говорить о ней. За десять лет он видел прежнюю хозяйку буквально считаные разы, но с него и этого было достаточно. Подробности он сообщать не пожелал.

Телефонист оказался прав: плита действительно разогрелась, дым исчез вместе с затхлыми запахами, и кухня заполнилась ароматом китайских приправ, лежавших в картонных коробочках. Чарли целых три часа потратила, открывая и распаковывая ящики и двигая туда-сюда мебель. В любом случае все придется потом снова переставлять: скоро начнут работать маляры и обойщики, надо будет расстилать ковры… Ладно, по крайней мере на первое время сойдет, теперь их новое жилище приобрело более или менее сносный вид.

* * *

Первой, как только телефон заработал, позвонила Лора.

– Твои цветы великолепны, – сказала Чарли подруге, гладя лепестки розовой орхидеи.

– А ты уже обновила зеленые сапоги?

– Сейчас слишком жарко.

– Тебе повезло, что ты не в Лондоне. Здесь духотища! Покупателей в магазине совсем нет, никто не покупает зимнюю одежду. Как прошел переезд?

– Отлично. Я хотела пригласить тебя на день рождения Тома – через две недели в субботу. Если будет еще тепло, устроим в саду барбекю.

– А нет ли у вас там симпатичных холостяков?

– Наш сосед очень даже ничего.

– В самом деле? А он не женат?

– Мне кажется, что нет. Я уточню и, если это правда, обязательно его приглашу.

– Тому, если не ошибаюсь, исполнится тридцать восемь?

– Да, и это его не слишком радует. Он опасается кризиса среднего возраста.

– По-моему, это ему пока не грозит.

Стук молотков разносился по дому.

– Лора, – решилась спросить Чарли, – а ты не знаешь, когда Флавия Монтессоре собирается вернуться в Англию?

– Да вроде бы через месяц, – ответила подруга с удивлением. – А что такое?

Чарли поиграла зеленой биркой, свешивавшейся с телефона.

– Я… да ничего особенного, я просто поинтересовалась, только и всего.

За окном послышался стук и показались ступеньки алюминиевой стремянки.

– Помнишь, я тебе рассказывала, что оказалась в какой-то машине?

– А, под гипнозом? Ну да.

– И я жевала резинку. А потом вытащила ее изо рта и прилепила под дверцу бардачка…

Кто-то поднялся по лестнице мимо окна.

– Ну так что же?

– Понимаешь, я нашла… – Голос Чарли стих, и она почувствовала себя глупо.

– Нашла что? Чарли, что ты нашла?

Лестница затряслась.

– Говоришь, она вернется через месяц… То есть в октябре?

– Обычно Флавия звонит мне. Я дам тебе знать. Да в чем дело?

Чарли внезапно вспомнила миссис Леттерс из «Розового коттеджа» и подумала, что старуха вела себя очень невоспитанно.

– Если тебе срочно надо, – продолжала Лора, – то я знаю одного весьма неплохого специалиста, Эрнеста Джиббона. Он частным образом проводит сеансы ретрогипноза.

«Ну и люди. Мне, между прочим, пришлось свернуть с дороги, чтобы передать миссис Леттерс сообщение от супруга, а она, видите ли, поворачивается спиной и захлопывает дверь. Очень грубо, невоспитанно и… странно. А ведь та женщина выглядела расстроенной. Расстроенной чем-то гораздо более значительным, нежели опоздание мужа».

– Могу дать тебе телефон Джиббона, – предложила Лора. – Он живет на юге Лондона.

– А он действительно хороший специалист?

– Просто великолепный. Попробуй к нему сходить, и сама убедишься.

– Возможно, я так и сделаю, – сказала Чарли, рассеянно записывая номер на обороте какого-то конверта.

* * *

Приехав домой вечером, Том переоделся в тенниску и джинсы. Он согласился, что Гедеон запросил вполне приемлемую плату – три фунта в час, но заявил, что лужайку приведет в порядок сам, потому что прелесть жизни в сельской местности отчасти состоит в работе в саду.

Том сходил в амбар, выкатил оттуда огромную старую газонокосилку и сумел запустить ее. Взгромоздившись на сиденье, он с ужасным грохотом повел ее по гравию к ручью. Двигатель испускал черный дым, и косилка некоторое время нормально стригла траву, но потом вдруг начала подпрыгивать, подбрасывая Тома, как циркового клоуна. В конце концов раздался резкий стук, двигатель заглох и больше уже не заводился. Том слез на землю, корчась от смеха, и Чарли почувствовала, едва ли не впервые после переезда, что все у них будет нормально.

– Давай найдем какую-нибудь забегаловку, – предложил муж. – Я бы не отказался от пива и бифштекса.

– Хью Боксер, наш сосед, говорил, что есть здесь лучше всего в «Святом Георгии и драконе».

Чарли отбросила волосы со лба Тома, и отблески вечернего солнца заплясали в глубине его синевато-серых глаз. Он не выглядел на тридцать восемь лет, и она тоже не ощущала, что ей уже тридцать шесть. Чарли чувствовала себя лет на десять, а то и на двадцать моложе. Казалось, совсем недавно она впервые увидела эти улыбающиеся глаза и уставилась в них с липкого ковра, на котором растянулась в том злополучном кафе. «Привет», – невозмутимо сказала она тогда незнакомцу, а потом неловко поднялась, наступив на его сверкающие модные ботинки. Ей было всего шестнадцать.

«Святой Георгий и дракон» оказался старым постоялым двором, при котором имелся трактир. Стеклянная дверь пестрела стикерами с рекламой пива. Сертификат в рамочке на стене сообщал, что владельцем заведения является Виктор Лэббин.

Когда они вошли внутрь, работяги, сидевшие за столом, прекратили смеяться и внимательно посмотрели на новых посетителей. Но затем один из них что-то сказал, и раздался новый взрыв хохота. Стоявший у стены одинокий музыкальный автомат мигал разноцветными огнями, каждые несколько секунд повторяя отрывок одной и той же мелодии. Аудитория состояла из старой английской овчарки, лежавшей на полу и сонно наблюдавшей за автоматом, словно скучающий импресарио на прослушивании.

Все помещение, с массивными деревянными балками и низким, пожелтевшим от времени потолком, было насквозь прокурено. На стене, рядом с мишенью для метания дротиков, висели старинные сельскохозяйственные орудия. Чарли осмотрелась. Старого образца краны-помпы для разлива пива, кресло у незажженного камина. Возле мишени было пришпилено объявление о распродаже всякой всячины.

В одном из трех посетителей у дальнего конца стойки бара Чарли узнала Хью Боксера, их соседа.

– Привет! – Он отсалютовал ей, приподняв короткую трубку.

На Хью были мятая рубашка в клетку и вязаный галстук. Дружелюбная улыбка все время играла на его бородатом лице, хотя еще при знакомстве Чарли почувствовала, что перед ней человек сильный духом и властный.

Чарли познакомила его с Томом, и Боксер, заказав обоим выпивку, представил их своим собеседникам, супругам по фамилии Гарфилд-Хэмпсен, которые жили в самом конце их улочки, в доме из красного кирпича, с античными колоннами вокруг бассейна. Джулиан Гарфилд-Хэмпсен, облаченный в модную полосатую рубашку с текстильными запонками-узелками, высокий, краснолицый, с громовым голосом, постоянно приглаживал свои красивые волосы. По всей вероятности, он был ровесником Тома, но выглядел лет на десять старше.

– Как здорово, что на нашей улочке появилась еще одна молодая пара! – произнесла его жена Зои тихим, но звонким голосом. Она говорила медленно, старательно выговаривая слова, словно школьница на уроке дикции. Это была та самая блондинка, которую Чарли видела выходящей из конюшни в бикини и высоких сапогах. – Мы с Джулианом всегда *обожали* Элмвуд-Милл, – добавила она.

– Да, нам он тоже очень понравился, – кивнула Чарли.

– Дом *просто супер*! Мы бы и сами его купили, но он расположен в низине, и зимой там мало солнца.

– Ваш коктейль. – Хью Боксер передал Чарли бокал. – А для супруга пинта лучшего пива из запасов Вика.

– Ваше здоровье! – Том поднял кружку, разглядывая темный горький напиток, затем отпил немного и одобрительно кивнул хозяину заведения.

Трактирщик, коренастый, сурового вида мужчина с редкими черными волосами, поначалу никак на это не отреагировал. Но через некоторое время нагнулся, чтобы взять из маленькой алюминиевой раковины высокий стакан, и бесстрастно поинтересовался:

– Вы крикет любите?

– Ну да, играю немного, – ответил Том с удивлением.

Виктор протер стакан салфеткой и сказал:

– В ближайшее воскресенье, в десять утра, в Элмвуд-Грине проводится благотворительный матч: мы против Родмелла, а у нас в команде как раз двух человек не хватает.

– Да я уж несколько лет не играл, совсем потерял форму.

– Предпочитаете быть боулером или бэтсменом?[2]

– У меня лучше получается орудовать битой.

– Ясно. Так я запишу вас на игру?

– Ну, я, вообще-то, не… хм…

Однако хозяин трактира уже достал ручку:

– Как ваша фамилия?

– Уитни, – ответил Том. – Но у меня совсем нет снаряжения.

– Вас тут мигом возьмут в оборот, – вставил Хью. – И месяца не пройдет, как вас включат во все комитеты.

– Виола Леттерс отвечает за чай, – продолжал Вик. – Она с вами свяжется, миссис Уитни. Надеюсь, вы ей поможете?

– Хорошо, – несколько ошеломленно ответила Чарли, но заставила себя улыбнуться.

– А поужинать у вас можно? До скольки вы открыты? – Том жадно запустил пальцы в большую чашу с арахисом на стойке бара.

– Ресторан вон там, – показал хозяин. – Прием заказов заканчивается без четверти десять.

Том сгреб еще порцию орешков и отправил в рот. У них оставалось полчаса.

– Джулиан тоже играл в прошлом году в крикет, но *ужасно* ушиб плечо, – сказала Зои и спросила у Чарли: – А сколько у вас детей?

– Да пока что ни одного. – При этом вопросе Чарли всегда краснела. – Мы… мы надеемся здесь обзавестись потомством.

– Здорово! – ответила Зои, но выражение ее лица говорило совсем другое: «Это в вашем-то возрасте?!»

У самих Гарфилд-Хэмпсенов было трое детей: Орландо, Гервейс и Камилла. Джулиан (по-домашнему Джу-Джу) занимался разработкой компьютерных программ. Зои увлекалась конным спортом. И все у них было *просто супер.*

Чарли перехватила взгляд Хью Боксера и поинтересовалась:

– Это ваш старый «ягуар» припаркован снаружи? Том влюбился в него с первого взгляда. Он обожает ретроавтомобили.

– Скажите ему, пусть заходит в любое время, когда дверь мастерской открыта. Я сейчас как раз ремонтирую очаровательный старый «бристоль». – Он легонько постучал трубкой о

2 В крикете существуют два основных игровых амплуа: боулер (игрок, подающий мяч) и бэтсмен (игрок, отражающий мяч битой).

край керамической пепельницы, и в этом звуке ей послышалось что-то уютное. Хью коснулся лба тыльной стороной массивной ладони. – А сегодня вечером душновато.

Чарли была абсолютно с ним согласна.

– Небо все в тучах. Синоптики обещали грозу.

Хью Боксер раскурил трубку и сделал несколько глубоких затяжек, а потом, помахав рукой, погасил спичку. Под ногтями у него все еще была густая смазка.

– Это что же, у вас бизнес такой, старые автомобили? – спросила Чарли.

Он вынул изо рта трубку и выпустил из ноздрей дым, окутавший его плотным облаком.

– Нет. Я занимаюсь этим для души. А на жизнь совсем другим зарабатываю. – Он глотнул виски, покачивая рюмку в руке.

– Ах вот как? – Чарли заметила озорной огонек, блеснувший в его глазах, будто луч утреннего солнца на покрытом льдом пруду. А внизу, под этим льдом, все, казалось, было скованно холодом.

– Хью человек известный, – заметила Зои. – Он наша местная знаменитость.

Сосед протестующе помахал трубкой:

– Ерунда. Не слушайте ее.

– Но это правда! – Зои повернулась к Чарли. – Его показывали по телевизору, о нем говорили по радио и писали в газетах. В «Индепендент» Хью посвятили целых полстраницы, с фотографией. Его считают ведущим британским авторитетом по геомагнитным линиям. Они очень древние и разграничивают местные луга.

Хью невозмутимо пускал из трубки клубы дыма, словно это его не касалось.

– И еще у него вышли две книги.

– Как они называются?

Густой и мягкий аромат трубочного табака нравился Чарли.

– Я не думаю, чтобы вы слышали о них, – ответил Хью. – «Тайны ландшафта» и «В поисках минералов: только факты».

– Он удивительный человек, – не успокаивалась Зои. – И книги у него просто замечательные.

Джулиан Гарфилд-Хэмпсен тем временем завел с Томом беседу о праве собственности.

– Мы пытаемся получить разрешение на расширение участка, – сказал Джулиан, и внимание Зои переключилось на них.

А Чарли продолжала беседу с Боксером.

– Ваши книги попали в список бестселлеров? – заинтересовалась она.

Хью снова пососал трубку.

– Нет. – Он улыбнулся и приподнял кустистые брови. – Видите ли, эти издания рассчитаны на специалистов. Так что удалось продать немного, всего-то несколько экземпляров.

– А чем же вы тогда зарабатываете на жизнь?

– Я преподаватель. Читаю лекции в университете.

– А где именно?

– В Суссексе.

– Я, кстати, сразу подумала, что вы не похожи на простого механика. Ваши лекции посвящены геомагнитным линиям?

– Нет. Я преподаю психологию. А геомагнитные линии, которые разграничивают местные луга, – это так, хобби.

– Как и ретроавтомобили?

– Меня вообще привлекает все старинное. Машины, здания, ландшафты. – Он проницательно посмотрел на собеседницу. Лицо его вдруг показалось Чарли изможденным, а Хью, понизив голос, добавил: – А еще призраки, но не те, которые обитают в старых домах, а другие…

Большим пальцем, похожим на обрубок, он набил трубку табаком; Чарли с удивлением заметила, что он тоже обкусывает ногти. Хью поднял глаза от трубки и теперь внимательно рассматривал новую соседку, словно пытаясь разглядеть, что скрывается у нее внутри.

– Что вы имеете в виду?

– Прошлые жизни. Я всегда могу определить, кто уже не в первый раз живет на этой земле.

– И каким же образом?

– Да просто посмотрев на человека.

Чарли ощутила, как по ее телу пробежала дрожь, что-то вроде электрического разряда, но только очень холодного.

– Вы говорите о реинкарнации?

Он кивнул.

– Неужели вы верите в это?

– А вы нет?

– Нет, конечно. Я не думаю, что такое возможно.

– А я вот не верю в разводы, – спокойно парировал Хью. – И тем не менее жена ушла от меня.

Некоторое время они молчали.

– Извините, – сказала наконец Чарли.

Он улыбнулся, но как-то криво.

– А как насчет ретрогипноза? – спросила она, потягивая коктейль. – В него вы верите?

– Хотите знать, что я думаю о ретрогипнозе?

– Ну да.

Боксер достал из коробка очередную спичку.

– Слишком много развелось любителей, которые ничего толком не умеют, но поднимают страшный шум. В наше время каждый может объявить себя гипнотизером и начать зарабатывать на этом деньги.

– А «триумф», который стоит у нас в амбаре, – спросила Чарли, избегая его взгляда, – он очень старый?

– Первоначальный регистрационный знак потерялся. Надо будет проверить шасси и номера на двигателе. – Он снова чиркнул спичкой. – А вы уже познакомились с Виолой Леттерс, этой важной старой дамой, что живет неподалеку?

За окном блеснула молния, и на некоторое время разговоры в трактире стихли.

– Хозяйкой «Розового коттеджа»?

Он сделал еще одну затяжку.

– Ну да, с ней. Миссис Леттерс, словно ястреб, бдительно следит за всем, что происходит вокруг.

Последовало еще три вспышки молнии.

– Мне кажется, она не очень-то ладит со своим мужем, да?

Хью выглядел несколько озадаченным. А затем хмыкнул:

– Я и не знал, что они поддерживают отношения. Думал, это весьма затруднительно.

Чарли почувствовала, что краснеет:

– Что вы имеете в виду?

За окном прогрохотал гром. Хью Боксер взболтал виски в рюмке и немного отпил.

– Миссис Леттерс вдова, – сказал он. – Ее муж умер примерно лет сорок тому назад.

11

На следующее утро после грозы небо прояснилось, воздух казался еще более свежим. С деревьев капала вода, и над прудом висели клочья тумана.

Было самое начало двенадцатого. Бредя в одиночестве вдоль улочки, Чарли услышала впереди громыхание, а затем из-за угла появился трактор, волочивший пустой прицеп. Чтобы пропустить его, она отошла в заросли ежевики и улыбнулась пожилому морщинистому мужчине, сидевшему за рулем. Но он бесстрастно смотрел вперед и проехал мимо, не обращая на женщину никакого внимания. Чарли удивленно наблюдала, как трактор дребезжит под уклон.

Старенький «моррис-минор» по-прежнему стоял возле дома. Еще прежде, чем Чарли распахнула калитку, затявкал йоркширский терьер. Она нерешительно пошла по дорожке. На стене рядом с парадной дверью был прикреплен овечий колокольчик. Чарли поискала дверное кольцо и, не найдя его, позвонила. Тявканье усилилось, и женский голос внутри принялся успокаивать пса.

Дверь открылась, и на пороге появилась Виола Леттерс, крепко державшая терьера за ошейник. Она была в тех же самых прочных туфлях, что и вчера, в твидовой юбке, слишком теплой для такой жары, и в такой же блузке. Она настороженно уставилась на гостью.

– Я зашла, чтобы извиниться, – сказала Чарли.

Старуха смахивала на краба, притаившегося в мокром песке и глазеющего оттуда на мир. Глаза же ее собаки напоминали кусочки черного мрамора, посверкивающие яростными искорками.

– Миссис Леттерс, я ужасно виновата, но, поверьте, я вовсе не желала подшутить над вами. Я не знала, что ваш муж умер.

Женщина потянула дверь на себя:

– Может, зайдете? – Ее голос звучал отрывисто, словно лай.

Едва Чарли вступила в холл, как собака свирепо уставилась на нее в тревожном молчании.

– Закройте дверь. Тогда Перегрин успокоится.

Чарли повиновалась, и терьер сердито затявкал.

– А ну марш в кухню!

Миссис Леттерс за шиворот оттащила пса в соседнее помещение и, слегка шлепнув его, захлопнула дверь.

– Извините. Обычно Перегрин ведет себя с гостями хорошо. К старости вот стал немного сварливым. – Когда она говорила, ее рот открывался и закрывался, словно потайная дверца в складках плоти.

– Он, по всей вероятности, почуял запах нашей собаки.

Старуха посмотрела на Чарли, и выражение ее лица снова стало подозрительным.

– Вы, кажется, говорили, что вас зовут миссис Уитни?

– Да. – Чарли явственно почувствовала запах алкоголя. – Боюсь, что вчера я совершила ужасную ошибку. Сама не знаю, как это получилось. Должно быть, я неправильно расслышала то, что сказал мне тот мужчина.

Помолчав, Виола Леттерс спросила:

– Могу я предложить вам выпить?

Внутри пахло полиролем. По всему было видно, что за домом ухаживали. Выкрашенные в теплые цвета стены холла контрастировали с белыми деревянными рамами окон и дверями. Здесь стояла замечательная старинная мебель, а на стенах висели картины – много картин, в основном морские пейзажи и портреты, было еще несколько явно любительских работ в дешевеньких рамках.

Чарли последовала за хозяйкой в гостиную. На раскладном столике лежал номер «Дейли телеграф» с разгаданным кроссвордом. Виола Леттерс указала ей на небольшой овальной формы диван.

– Джин с тоником? – пролаяла она. – Виски с содовой? Шерри? – Старуха говорила на повышенных тонах, – похоже, она была глуховата.

Пол гостиной устилали персидские ковры. На покрытых кружевными скатертями столах беспорядочно теснились серебряные табакерки и сделанные из слоновой кости фигурки животных, а также фотографии в рамках. На каминной полке стояла старая фотография морского офицера: бородка в духе короля Эдуарда,[3] на груди ордена. На полу, возле медного ведерка для угля, стоял небольшой военный барабан.

– Вообще-то, я предпочитаю безалкогольные напитки. Мне минеральную воду, если можно.

Чарли вдруг ощутила во рту странный металлический привкус, который замечала и раньше.

– Воду?! – Виола Леттерс произнесла это слово так, как будто речь шла о болезни. – Чепуха какая! Солнце уже почти зашло. Давайте налью скотча?

– Тогда лучше немного шерри, – сказала Чарли, не желая обижать старуху.

Она села на диван.

– Надеюсь, мы сумеем стянуть бутылочку из корабельных припасов, – произнесла Виола Леттерс, направляясь к застекленному шкафчику из красного дерева.

Тут кто-то потерся о ногу Чарли и мяукнул. Она сперва опустила руку, чтобы пощекотать кошку за ушами, и лишь потом посмотрела вниз. Кошка уставилась на нее пустой глазницей.

– Мы тут живем как на корабле, затерянном в море. Если я могу быть вам чем-либо полезна, просто позвоните мне или заходите в любое время. Нас тут немного. Я стараюсь за всеми присматривать. Здесь редко появляются посторонние, но теперь, подозреваю, все изменится к худшему: один болван-журналист расписал наши края в книге, посвященной загородным прогулкам. Там пониже, у пруда, есть общественная тропа. А вы не знали?

– Она выглядит так, будто по ней ходят нечасто.

– Все еще впереди. Боюсь, что скоро здесь повсюду будут сновать орды проклятых туристов.

Чарли почудилось в старухе нечто смутно знакомое, но она никак не могла понять, где именно прежде могла ее видеть. И спросила:

– А вы давно здесь живете?

– С одна тысяча девятьсот пятидесятого года, но меня до сих пор не признают за местную. В этих сельских сообществах такие странные нравы. Их члены не доверяют никому, кто сюда переехал. Здесь, видите ли, надо родиться. Есть тут парочка фермеров, которые даже не кивают мне при встрече, а я ведь последние сорок лет вижу их едва ли не каждый день.

– Одного я, кажется, встретила сегодня, когда шла к вам.

– Ох и странные вещи тут творятся. – Старуха понизила голос. – Ну, да сами увидите. А вы из Лондона?

– Да.

– Полагаю, деревенская жизнь покажется вам немного необычной. Если вам вдруг что-нибудь понадобится, обращайтесь ко мне в любое время, не стесняйтесь.

---

3 Имеется в виду английский король Эдуард VII, правивший в 1901–1910 годах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.